

**ДМИТРИЙ
АЛЕКСАНДРОВ**

АНОМАЛИЯ

16+

© ДА

Дмитрий Александров

Аномалия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67808733

SelfPub; 2022

Аннотация

Что такое реальность? Где кончается она, что лежит за её границами? Аномалия – частица другого мира на Земле. Среди высоких скал и таинственных ущелий покоятся ответы на все вопросы.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	35
Глава 6	40
Глава 7	49
Глава 8	63
Глава 9	69
Глава 10	77
Глава 11	85
Часть вторая	98
Глава 1	98
Глава 2	104
Глава 3	115
Глава 4	127
Тетрадь доктора Карцева	132
Об авторе	144

Дмитрий Александров

Аномалия

В нас существует нечто более мудрое, нежели голова. Именно, в важные моменты, в главных шагах своей жизни мы руководствуемся не столько ясным пониманием того, что надо делать, сколько внутренним импульсом, который исходит из самой глубины нашего существа.

Артур Шопенгауэр

Часть первая

Глава 1

«Деньги вперёд. Вас предупреждали?»

Я кивнул и протянул пачку оранжево-зелёных листков, стянутых резинкой. Водитель взял деньги, затаился электронной сигаретой и полез в «Тигр».

Этого дня мы с Владом ждали целый год. Копили, покупали снаряжение, изучали маршруты и фотографии... И вот он начинается, наш тур в Аномалию! Обычные автобусные маршруты вдоль Периметра, смотровые площадки с биноклями и скучные рассказы гида были нам не по душе: мы хо-

тели прогуляться в самом сердце Аномалии, почувствовать, ощутить силы, изменившие историю земли.

За Периметр туристов возили теперь только две компании – «ИКС-ТУР» и «505». Мы выбрали «пятьсотпятых»: водителями у них работали отставные военные, техника казалась надёжнее, да и неприятных историй по сравнению с «иксами» было меньше (по крайней мере так это выглядело в Сети). «Пятьсотпятые» были дороже, но разве это тот случай, где стоит экономить?

Влад уже залез внутрь, и теперь я подавал ему через дверной проём наши рюкзаки. Издалека машину можно было принять за большой внедорожник, но сейчас, стоя вплотную к бронированному туловищу выкрашенного голубой краской «Тигра», я видел, насколько отличается он от гражданских собратьев: ширина, размер колёс, высоко поднятый над землёй кузов роднили его скорее с грузовиками.

Я поставил ногу на неудобную платформу и протиснулся в салон: сиденья, обтянутые чёрной с синими вставками кожей, круглое оконце в крыше, откидные столики, кармашки с брошюрами и рекламой... Запах походил на тот, что всегда присутствует в машинах, только был он грубее, резче, маслянистее. Тяжёлый запах, *оружейный*.

Водитель повернулся к нам:

– Готовы?

Мы кивнули. Он махнул кому-то снаружи, двери закры-

лись, и в салоне стало тихо.

– Давайте знакомиться. Я Сергей, ваш проводник по Аномалии.

– Я Влад.

– Кайнын (*в переводе с корякского означает «медведь»*). – *Прим. автора*). Можно просто Кай, – поднял руку я.

– Интересное имя. Ты с Севера?

– Камчатка.

– Здорово! Всегда мечтал у вас побывать, – Сергей почесал шею, глядя в потолок. В этом жесте было что-то наивное, мечтательное, совсем не вязавшееся с его образом. Водитель был одет в рубашку фирменного цвета, чёрную жилетку и джинсы, глаза закрывали солнцезащитные очки. Крепкий, широкоплечий, уверенный в себе отставной офицер, наверняка повидавший в жизни много опасностей. Потому неловкий жест при упоминании Камчатки бросился мне в глаза – такого не ждёшь от военного.

Сергей щёлкнул тумблером, и наш «Тигр» ожил. Засветилась приборная панель, сонно и недовольно заурчал басовитый двигатель, разбуженный хозяином. Влад вертелся в кресле, рассматривая салон, я же, закрыв глаза, думал о предстоящем приключении: каким он окажется на самом деле, этот кусок чужого мира посреди Земли?

Машина плавно выехала за ворота гостиницы и повернула на дорогу, ведущую к Периметру.

– Краткий инструктаж, ребята, – бодрый голос водителя

вернул меня к реальности.

– За Периметром вы впервые. У новичков там, бывает, совсем сносит голову от непривычного. Да и от высоты в конце концов – мы же на три километра заберёмся. Так вот, – он сделал небольшую паузу, – чувство страха может подвести. То эйфория, то паника. Поэтому запомним правила. Мои указания выполнять, не обсуждая и не раздумывая. До края обрыва всегда оставлять один шаг. Нигде не подходим к самому обрыву, ясно? Далее. На участки, ограждённые оранжевыми знаками, – Сергей, не отвлекаясь от дороги, поднял с пассажирского сиденья треугольный знак и повернул к нам, – вот такими, не заходить. Встретив подозрительный объект, спокойно отходим назад и нажимаем кнопку на браслете. Включится защитное поле, я услышу сигнал и увижу ваши координаты. Если почувствовали себя плохо – кнопка на браслете. Потерялись – кнопка. В общем, поняли. Места прогулок мы постоянно проверяем, всё должно быть хорошо. Но Аномалия есть Аномалия.

Мы тихо сидели сзади, смотря в зеркало на невозмутимое лицо нашего проводника. Именно сейчас, с этими словами, до нас докатилась лавина осознания того, насколько всё серьёзно. В Сети разговоры о турах по Аномалии ощущались игрой, а опасности – неким сюжетом, который мы, главные герои, успешно преодолеем. Теперь же уверенность, что главные герои – это именно мы, куда-то пропала. И на её место пришло ощущение ребёнка, который понял, что мо-

жет потеряться в незнакомом месте. Я инстинктивно нащупал браслет – широкую ленту с часами и красной кнопкой. Технология, созданная учёными внутри Периметра и работавшая тоже только здесь.

Машину чуть тряхнуло: мы въехали в тоннель. Я достал бутылку воды, отпил пару глотков, протянул Владу, но тот лишь мотнул в ответ головой. Шум нашего движения отражался от стен тоннеля и вместе с темнотой сгущался снаружи в атмосферу тревоги. В салоне что-то запищало. Звуковые сигналы через равные интервалы, будто какая-то индикация неисправности. Однако Сергей не проявил к ним никакого внимания. «Наверное, нормальная работа приборов» – подумал я. Машина вынырнула на свет, и урчание мотора снова стало спокойным, пугающее эхо исчезло, прекратились и странные сигналы. Мы подъезжали к Периметру.

Глава 2

– Периметр. Надо отсканировать паспорта, – Сергей взял наши карточки, открыл дверь и, ухватившись за скобу над проёмом, ловко вынырнул из машины. «Как рыба» – подумалось мне.

Мы стояли в тени трёхметровой бетонной стены у ворот КПП. Здесь заканчивалась привычная людям Земля и начиналась территория другой планеты. По крайней мере так советовали воспринимать её в учебниках истории. Наш проводник столь же ловко запрыгнул внутрь, и машина, преодолев небольшой порожек, аккуратно проехала через расступившиеся створки тёмно-зелёных ворот с номером «23». Мимо проплыли полукруглые ангары, у которых люди в форме оливкового цвета возились с какими-то машинами. Впереди нас ждала ещё одна стена, не такая высокая и монументальная, зато обвешанная сверху всевозможными камерами и детекторами. «Тигр» проехал в заранее открытую для нас секцию стены, известив об отбытии коротким резким гудком.

Мы прильнули к окнам, высматривая первые признаки Аномалии. Сергей, взглянув на нас в зеркало, показал рукой вперёд:

– Вон там. Первые столбы.

В полукилометре от нас из густой растительности в небо

тянулись неровные колонны ржаво-коричневой с голубыми прожилками породы. Некоторые росли вертикально, другие – под таким углом, что должны были бы упасть или разломиться, однако, застыв в причудливом танце, невозмутимо стояли один за другим. Влево от столбов уходили в туманную дымку высокие холмы, а справа начинались горы.

Наблюдать за открывающимися пейзажами Аномалии изнутри броневика сродни полёту в космос: внутри машины – кусочек привычного мира, снаружи – мир чужой, враждебный или по крайней мере непонятный для человека. И каким бы опасным этот мир ни был, он манил, вызывал желание исследовать, ощущать, выразить в словах, образах. Наверное, это как раз и означает быть человеком.

Дорога, петляя между холмами, сворачивала к горам. Полотно было ровное, и Сергей нажал на газ. Слева промелькнула вереница оранжевых знаков. Влад проводил её взглядом, полным любопытства:

– Тут какая-то опасная зона?

– Значки? Да нет, не опасная; скорее перестраховка. Место падения самолёта, как раз во время формирования Аномалии. Все обломки, конечно же, сразу увезли. Мы там ходили: небольшая яма, два столба, на которых наши армейцы вешали освещение, и больше ничего. Но шеф на всякий случай решил поставить ограждение. А вот и остановочка! Здесь у нас последняя, так скажем, цивилизованная уборная. Кому надо – рекомендую посетить.

Мы с Владом, не сговариваясь, прыгнули на асфальт и по узкой дорожке из серой плитки пошли к кирпичному домику. Вдалеке безмолвно темнели силуэты гор.

Следующие полчаса пути мы рассматривали столбы, устроившись на креслах с левой стороны машины. Хотелось остановиться прямо здесь, подбежать к ним, потрогать... Сергей улыбнулся, глядя на нас в зеркало:

– Эти ещё маленькие. На плато будут большие. Кстати, вон там, за холмом... Сейчас появится. Столб-кольцо.

Из-за холма показалась арка столба, упиравшегося вершиной в землю. Влад, прижавшись носом к толстому стеклу, во все глаза смотрел на удивительную формацию:

– Кай, а что если это действительно кольцо? И под землёй замыкается?

Я пожал плечами.

– Они вниз уходят где-то на километр, почти прямые. А изгибаться начинают уже на поверхности, – помог мне с ответом Сергей. – Вот и горы начинаются. По салону не ходим, сидим в креслах.

Асфальт закончился, и под колёсами «Тигра» зашуршал гравий. Мы начали подниматься по горному серпантину: слева склон, усыпанный камнями и редкой растительностью, круто уходил вниз, а справа бежала назад стена покрытых трещинами отвесных скал.

Машина вдруг резко затормозила.

Я успел выставить руки перед собой, а Влад слегка ударился лбом о спинку переднего сиденья.

– Прощения просим... – донёсся до нас озабоченный голос водителя. – Все целы?

– Да, – синхронно ответили мы. Сергей, приподнявшись, что-то высматривал впереди.

– Обвал, – пояснил он. – Скалы-то все в трещинах. И вот такие камешки падают на дорогу.

Он сдал назад. Затем машина медленно поползла по самой кромке обрыва, объезжая метровый кусок скалы, загородивший путь. Острые грани рыжего с чёрными и красными прожилками камня выглядели смертоносным оружием. Сергей осторожно вырулил на свободную дорогу и, передвинув передачу, нажал на акселератор:

– Если в машину попадёт, причёску точно испортит, – он увеличил карту на закреплённом справа от руля планшете и поставил на месте обвала чёрный флажок. Я пытался найти глазами места, откуда откалывалась порода.

– А часто такое бывает?

– Постоянно. Наверх везёшь людей – дорога чистая. Обратно едешь – уже лежит. Но в машины, слава богу, пока не попадало.

Уклон становился всё круче. Слева внизу можно было разглядеть вереницу столбов, теряющуюся среди холмов. Звук мотора изменился: из-за крутого подъёма Сергею пришлось понизить передачу.

Дорога стала совсем узкой лентой, вьющейся вдоль самого края обрыва, в тени нависающих скал. Захваченные первыми впечатлениями, мы молча смотрели вниз через окно. Внезапно стена справа закончилась, салон наполнило ярким светом.

– Первая остановка, ребята. Разомнёмся? Здесь абсолютно безопасно, – Сергей разблокировал двери и вынырнул из салона, на ходу вытаскивая из кармана жилетки электронную сигарету.

Воздух снаружи был свежий, охлаждающий лёгкие. Не холодный, а именно охлаждающий, будто мятный леденец. В этой свежести запах фруктового пара из сигареты водителя висел тяжёлым невидимым облаком – лишнее, ненужное... Я задумался. Так выходило, что причина моей нелюбви к курению – вовсе не запах табачного дыма, нет. Сама эта привычка делала человека каким-то чужим. «У Сергея наверняка есть свои причины, глупо всех судить одинаково» – подумал я, глядя на фигуру водителя, прислонившегося к крылу своего потрепанного «Тигра» и расслабленно смотрящего куда-то за горизонт...

Размером площадка была метров двадцать в поперечнике. Всю её покрывала желтоватый ковром жёсткая трава. Она хрустела под ногами, но не ломалась, а примерно через минуту распрямлялась обратно с сухим щёлкающим звуком. Я достал из рюкзака камеру и спешно выставлял настрой-

ки: вид с площадки открывался потрясающий. Горы! Огромные массы камня, заслоняющие друг друга, линии склонов, ущелья, теряющиеся в туманной дымке. Вершины, скрытые пышными белыми облаками.

У подножия ближайшей горы виднелся лес столбов, тонких и высоких. Они стояли так близко друг к другу, что казались единым образованием, ржавой массой с тёмными промежутками-тенями. Через объектив камеры можно было различить яркие сине-голубые марциты, росшие вдоль давно застывшей тёмно-фиолетовой реки лавы. Отсюда они выглядели маленькими и хрупкими, хотя это был самый прочный материал, существовавший на земле.

Я боролся с ярким солнцем, мешавшим сделать идеальный кадр, а Влад забавлялся с хрустящей травой, когда Сергей окликнул нас:

– Ребята, смотрите вон туда!

Мы подбежали к проводнику и на мгновение потеряли дар речи. Белый корабль! Огромная сияющая пирамида, висевшая в воздухе над Оком на высоте 6798 метров, наполовину показалась из густых облаков. Придя в себя, я спешно защёлкал затвором камеры. Сергей затаился и выпустил сладковатый пар:

– Его редко видно. Обычно весь в облаках. Повезло вам: редкие кадры выйдут.

«Да уж!» – согласился я, молясь про себя, чтобы кадры получились: проверить их на экране при таком солнце не бы-

ло никакой возможности.

Когда мы залезали обратно в машину, на плечо Влада упал жук. Влад инстинктивным движением попытался его стряхнуть, но насекомое вцепилось в рубашку и издало неожиданно громкий писк. Сергей, нырнувший было за руль, выскочил обратно:

– Стой, не трогай его! Дай посмотрю, кто это.

Его напряжение передалось нам, и мы оба замерли в испуге. К счастью, наш проводник рассмеялся и слегка похлопал Влада по плечу:

– Простой трубконос, не опасный. Возьмёшь на память?

Он протянул жука, зажатого в руке. Влад нерешительно взял насекомое за панцирь:

– Нет, давайте отпустим его, прямо тут. Можно?

– Можно конечно, – пожал плечами водитель.

* * *

Вскоре мы съехали на огибающий гору виток дороги, и снова зашелестел, захрустел под шинами мелкий гравий. Писк жука... Я никак не мог отделаться от мысли, что уже слышал этот звук. Может быть, в каком-то фильме? Скорее всего, где же ещё. Живому миру Аномалии всегда уделялось больше внимания. А геология была лишь фоном, что растраивало меня, любителя камней и будущего архитектора.

Разумеется, я, так же как и все дети, в своё время с открытым ртом стоял в зоопарке у вольеров с краусами, скорпионами, гигантскими многоножками и прочими удивительными созданиями. Но горы, столбы, минералы – пускай и не живые – вызывали не меньше восхищения. Их масштабы, мощь, красота – всё это просто очаровывало. От них веяло вечностью.

Дорога нырнула вниз, и мы вдруг оказались в густом тумане. «Тигр» сбросил скорость.

– Тут всегда так. Кстати, это не туман; это облака. Высота-то уже приличная.

Сергей прибавил газа. Окно снаружи покрылось каплями, которые скатывались назад и вниз. Машина вынырнула из молочно-белой мглы, и несколько минут мы будто плыли по облакам. Я сделал пару снимков через стекло – вид как из иллюминатора самолёта. Удивительно! Облака были густые, с ясно различимыми границами. Вот ты едешь в облаке, и раз – снова вокруг горные пейзажи. Как в мультике.

Сверху раздался стук, затем послышались щелчки сбоку, и наконец в окно рядом с Владом ударилось что-то живое. Рассмотреть я толком ничего не успел: тело как будто бы насекомого, мельтешение крыльев... Сергей сбавил скорость, но не остановился:

– Скорпионы. Здесь их быть особо не должно... Впрочем, эти не ядовитые, опасны только чёрные. Если чёрных увидите – жмите кнопки не раздумывая.

Глава 3

Через четверть часа наш «Тигр» остановился на небольшой каменистой площадке. Здесь начиналась одна из так называемых троп – проверенный маршрут для передвижения внутри Аномалии, цель нашего путешествия. Туристические тропы не требовали альпинистской подготовки и снаряжения, контролировались практически ежедневно, а окрестности их были хорошо изучены. «Пятьсотпятые» предлагали несколько маршрутов, и мы, разумеется, выбрали самый дальний. Хорошо звучит – дальний, а ведь на большой карте Аномалии даже эта точка – всего лишь периферия. Дальше начинался сложный горный рельеф, переходивший в главный массив, украшенный двухголовым пятитысячником Гамма, за которым высилось Око. Чем ближе к центру, тем больше опасностей подстерегало оказавшихся на чужой территории людей. Поднявшихся на вершину Гаммы альпинистов к сегодняшнему дню насчитывалось всего пять человек, причём вернулись обратно только двое.

Мы выпрыгнули из машины. Было на удивление тепло. Безоблачное горное небо насыщенных оттенков синего и бирюзового казалось неестественно ярким, а наш «Тигр» на его фоне – бледным, выцветшим. Один край площадки заканчивался почти отвесным обрывом. Здесь стоял импровизиро-

ванный забор из сваренных металлических труб, окрашенных в тот же голубой цвет, что и машина. По краям забора торчали две мачты высотой метров пять. Наверху мачт висело какое-то оборудование и телекамеры.

Сергей повесил на шею бинокль и привычным движением достал из кармана сигарету:

– Одежды с собой достаточно? Не смотрите, что такая теплынь: погода может за пару часов на снег смениться. Горы же.

– Да, у нас куртки, термобельё – мы всё хорошо изучили! – Влад с гордостью вытаскивал из салона наши рюкзаки, собранные так, будто мы готовились идти до самого Белого корабля.

Надо сказать, ни он, ни я не были искателями приключений. Риск нас не привлекал, а скорее являлся чем-то неизбежным. Фактором, к которому нужно хорошо подготовиться. Ехали же мы за удовлетворением собственного любопытства, чистого и искреннего интереса, какой бывает у натуралистов или любителей минералов. Того, что побуждает людей проводить всю ночь у телескопа, идти через тайгу с фотокамерой наперевес, участвовать волонтером в раскопках.

Мы защёлкнули карабины поясных ремней и, по указанию нашего проводника, проверили работу браслетов: поле включалось с резким высоким звуком, переходившим в громкое гудение. Вибрация браслета отдавалась в руку, вызывая чувство силы, уверенности, защищённости. «Как су-

пергерои» – подумал я, не в силах сдержать улыбку.

Сергей сверил время со своими часами:

– Итак, жду вас обратно в восемнадцать часов. Постарайтесь не задерживаться. Карта у вас с собой, ориентироваться – как учили, по номерам на знаках. Связь здесь не работает. У вас есть только кнопка. И раз вы выбрали прогулку без сопровождения, давайте постараемся соблюдать все правила, – он выпустил струйку пара и указал влево. – Здесь начинается тропа. Она идёт к водопадам, там можно отдохнуть. Даже есть где от дождя спрятаться. Оттуда можно сходить вниз, к столбам, или вдоль гребня, а поверху – доберётесь до лавовой речки. Удачи!

Влад первым спрыгнул на неровную, каменистую, еле различимую тропу. Я поправлял длину трекинговых палок, когда вдруг услышал рядом голос водителя:

– Два, пять, восемь, один, пять, восемь, ноль. Запомнил?

– Что? – я удивлённо обернулся. Сергей стоял рядом, на лице его не было ни намёка на прежнюю лёгкость и расслабленность.

– Два, пять, восемь, один, пять, восемь, ноль. Повтори.

– В смысле? – я совершенно потерялся.

– Повтори.

– Два, пять, восемь, один, пять, восемь, ноль...

– Молодец. Не думай, что я сомневаюсь в твоей памяти.

Просто формальности. Вперёд! Жду вас ровно в шесть.

«Что это было?!»

Я спрыгнул на тропу вслед за Владом. Он был уже метрах в двадцати впереди, рассматривал что-то у большого колючего куста и, похоже, не слышал моего разговора с водителем. Я обернулся – Сергея нигде не было видно. «Наверное, забрался в машину. Интересно, не скучно ли ему так вот ждать туристов? И всё-таки... Что за чертовщина с этими цифрами?» – нахмурившись, я зашагал вперёд, решив пока Владу ничего не рассказывать. Точнее, у меня было сильное и ясное ощущение, что сейчас *не время* ему это рассказывать.

Разбросанные повсюду крупные камни и промытые дождями канавы затрудняли ходьбу. Мы почти не говорили и сосредоточенно работали палками, внимательно глядя под ноги. Пройдя мимо очередного столбика с круглым жёлтым знаком и номером «367», мы обнаружили, что тропа резко уходит вниз. Подобие ступенек из плоских камней не помогало, а наоборот, мешало, делая спуск с рюкзаками довольно рискованным. В таких местах легко оступиться, скатиться по склону и обзавестись растяжением, а то и переломом: времени терять жалко и хочется скорее сбежать, съехать вниз. Однако торопиться нельзя – это мы за время совместных походов хорошо усвоили.

Справившись со спуском без происшествий, мы решили сделать первый короткий привал.

– Сока?

– Давай! – Влад расчистил место и расстелил походный коврик.

Пейзаж здесь резко отличался от только что пройденного маршрута: плоское пространство, расположенное на широком гребне, в самом начале которого мы сейчас сидели, лентой убегало вдаль. То здесь, то там на нём высились огромные чёрные валуны, из которых торчали грозди ярких кристаллов: алых, сиреневых, тёмно-синих... Справа плоскость переходила в пологий склон и долину, тянущуюся параллельно гребню. Противоположный край долины так же медленно поднимался и терялся в гуще деревьев, за которыми в небо уходили неровные колонны столбов. Слева от нас был обрыв в узкое ущелье, за которым начинались отвесные скалы. Из них, из огромных гладких каналов, сетью пронизывающих твёрдую породу, падала вниз с многометровой высоты вода, создавая «аллею водопадов». Шум от них, одновременно волнующий и успокаивающий, был уже хорошо слышен.

Я сделал пару снимков у ближайшего валуна: к моей огромной радости, здесь обнаружился даже небольшой марцит. Марцит! Этот кристалл, получишь забрать его с собой, сделал бы меня счастливейшим человеком на земле. Однако не было никакой возможности добыть его, не имея под рукой серьёзного оборудования. И всё же как он прекрасен! Те экземпляры, что мы видели в музее, ни в какое сравнение не шли с глубиной и насыщенностью цвета, с переливами и

свечением загадочных линий внутри минерала, рождённого здесь и живущего здесь, собирающего в себе день за днём солнечный свет и синеву неба.

Влад, вытянув руку с телефоном, фотографировался на фоне друзы акваритов:

– Девчонкам потом пошлю!

Я улыбнулся:

– Пойдём искать спуск к водопадам?

– Пойдём.

Под хруст травы мы направились в сторону гор. Шум воды становился всё громче, в нём начинали прослушиваться нотки какого-то заунывного пения... Откуда бы взяться здесь таким звукам? Нет, это не вода!

– Влад! – я одёрнул друга за рукав. – Слышишь?

– Как будто кто-то плачет?

– Да. Это же... Фит!!

Огромное животное, прятавшееся в ущелье и до сих пор скрытое от нас, медленно выплывало из-за кромки обрыва. Похожее на кита, с вытянутой мордой, заканчивающейся двумя полукруглыми, образующими подобие буквы «Ф» ноздрями, оно величественно парило в воздухе, медлительное, монументальное. Кожа его была шероховатой, практически чёрной, с едва различимыми светлыми пятнами. Мы стояли метрах в ста от него, не зная, что теперь делать. Животное замерло, четыре глаза медленно повернулись в нашу сторону. Затем ноздри фита расширились, и вместе с хлы-

нувшим внутрь потоком сухого воздуха раздался протяжный, похожий на шум с нотками плача или воя, звук.

Встреча с фитом была неожиданностью. Справочник, который нам выдали в офисе, утверждал, что фиты встречаются лишь в массиве Цауруса и с нашего маршрута их «можно иногда наблюдать в хороший бинокль». Однако вот он – живой, настоящий – разворачивался в воздухе прямо перед нами. Фит поднялся над краем настолько, что стало видно его обросшее ярко-зелёными сокоитами брюхо. Корни сокоитов свисали вниз, качаясь от движений животного. «Можно нажать кнопку на браслете. Но не будет ли это означать конец нашего путешествия?» – подумалось мне. К тому же животное двигалось медленно, словно нехотя, а это означало, что фит сыт и не опасен. Исполин с удивительной для своих размеров грацией развернулся и, плавно опускаясь за край обрыва, поплыл в противоположную от нас сторону. Мы некоторое время стояли молча, после чего я серьёзно посмотрел на Влада:

– Я дурак. Камера...

Влад рассмеялся:

– Да ладно! Тут ещё много всего. И вообще... Бежим! Снимешь с края!

Он бросил рюкзак и палки на траву и побежал к ущелью.

Глава 4

Минут пятнадцать мы, осмелевшие и освоившиеся на новом месте, гонялись за фитом. Он плыл рядом с краем ущелья, чуть ниже уровня обрыва, так близко, что при желании и везении можно было бы перепрыгнуть ему на спину. Удивительное создание! От него не чувствовалось никакой опасности, в движениях его не было угрозы, и все описания необычных свойств этого существа казались выдумкой.

Я установил камеру на удобный плоский камень, чтобы снять видео уплывающего в сторону тумана фита. Влад отбежал из кадра и уселся сзади:

– Вот бы потрогать его... Какая у него кожа? Кажется довольно шершавой.

– Это плохая идея. Нас ведь предупреждали.

– Нигде не было написано, что нельзя потрогать фита!

– Конечно! Никто же не знал, что он тут окажется.

Разумеется, Влад не собирался трогать животное. Просто эта сцена в декорациях Аномалии ощущалась нами обоими как нечто ценное, и мы старались сохранить настроение момента как можно дольше.

– Эх! Как думаешь, он тёплый?

– Фит? Ну нет! Одиннадцать градусов, на биологии же проходили.

– Ааа, точно! – Влад почесал затылок. В этот момент ко-

жа на спине животного вздрогнула. От хвоста к голове пробежала светящаяся волна, и как только она достигла выростов, называемых «ушами» (хотя они и не имели никакого отношения к слуху), раздался оглушительный грохот. Волна прохладного воздуха ударила в нас, повалив на жёсткую траву. Вокруг запахло озоном. Прижавшись к поверхности, мы лежали за камнем, готовые включить защитное поле. Фит взмыл вверх. Одновременно с резким движением огромного хвоста животное повернулось. Наклонив голову вниз, оно словно по длинной невидимой горке заскользило прочь, в сторону облака густого тумана, застилавшего дальний конец ущелья. Скорость его всё возрастала, стал слышен свист от несущегося сквозь горный воздух гигантского тела. Снова раздался удар грома. Со скалы, мимо которой пролетал в этот момент фит, посыпались обломки породы. Животное на сумасшедшей скорости врезалось в стену тумана и исчезло.

Всё стихло. Я толкнул Влада:

– Ты в порядке?

– Вроде да... В ушах только звенит. У тебя тоже?

– Есть немного. Вот тебе и урок биологии... – я отряхнулся и пошёл осматривать камеру, лежавшую на боку рядом с камнем. Хотя бы всё обошлось: и кадры жалко, и копил я на неё целый год...

К счастью, за исключением нескольких царапин, камера выглядела исправной. Правда, видео остановилось за несколько секунд до того, как фит взбесился. Жаль.

Мы вытащили по пачке крекеров и стали обсуждать, что делать дальше. Если наш проводник слышал гром или видел фита в бинокль, он вполне мог отправиться сюда. С другой стороны, фит уже улетел, нам ничего не угрожало и эвакуироваться не было никакого смысла. Мы решили на всякий случай оставить записку на камне: «С нами всё хорошо. Фит улетел. Продолжаем».

Насытившись и окончательно успокоившись, мы проверили вещи, закинули рюкзаки на плечи и двинулись в сторону столбов.

* * *

Ровная полоса, по которой мы шли, становилась всё уже. Справа от нас, на пологом склоне, показались группы деревьев, в ветвях которых суетливо перемещались какие-то животные. Были ли это скорпионы? Трудно сказать. Расстояния и размеры здесь обманчивы – это мы быстро поняли. Тебе кажется, что вон до того интересного камня или растения можно добежать за минуту. А на самом деле между вами овраг с крутым спуском и подъёмом, да и сам камень – огромный, а разделяет вас полкилометра...

Столбики с числами стали попадаться чаще; гребень окончательно превратился в тропинку, которая извилистой линией начала спускаться вниз. На одном из поворотов нам

навстречу вылетела стая ярко-синих бабочек. Их было много, должно быть, несколько сотен. Крупные, размером с ладонь, они, в отличие от своих земных собратьев, парили в воздухе, словно птицы, лишь изредка взмахивая широкими крыльями. Я инстинктивно выставил вперёд руку, загораживаясь от насекомых, но туча разделилась, облетая нас. Беззвучно, ловко используя потоки воздуха и неуловимыми движениями крыльев управляя своим полётом, бабочки одна за одной огибали нас справа и слева, как будто стараясь не подниматься слишком высоко над землёй.

Включив камеру, я приготовился сделать серию снимков летящих на меня чудесных созданий, как вдруг одна из бабочек села мне на руку. Крылья, разделённые на сегменты чёрными прожилками, хрупкие, бархатные, сложены вместе. Ультрамарин их искрится зелёным и золотым, становится то ярче, то темнее, как будто дышит. Это «дыхание» становится всё чаще, и вот бабочка раскрывает крылья...

«Это ещё что такое?!» – моё восхищение в одну секунду сменилось на растерянность, граничащую с паникой: снаружи на крыльях бабочки ясно читались восемь цифр: 3, 1, 7, 9, 0, 5, 6, 2. В голове тотчас всплыло лицо водителя, диктующего мне цифры на смотровой площадке. Может быть... мне всё это кажется? Какое-то расстройство сознания, галлюцинация? Ведь наверняка бывает такое.

– Влад! – окликнул я друга. – Влад, посмотри сюда!

Он повернулся ко мне, но в этот момент бабочка взмах-

нула крыльями и оказалась у нас над головами. Сделав круг, она спикировала вниз, ускоряясь и догоняя стаю. Это своеобразное скольжение с ускорением очень напоминало фита... Но всё же – что это за цифры? Что происходит?

– Влад, слушай... – я замялся, не зная, как рассказать о происходящем. Сейчас я был почти уверен, что это галлюцинации. У меня не было никаких доказательств того, что цифры на бабочке существовали в реальности. И даже если Влад поверит мне на слово, это не избавит от сомнений.

– А, ладно, – изобразив улыбку, я вновь просунул руки в ремешки палок. – Идём?

Влад кивнул, и мы продолжили спуск к столбам.

* * *

Минут через двадцать, прилично запыхавшись, мы оказались на дне долины, где росли столбы. На карте место так и обозначалось: «Долина столбов». Неровное пространство, состоящее из крупных кочек, покрытых ковром рыхлого оранжевого мха, из которого торчали на ножках маленькие шарики.

Какое всё же удивительное зрелище! Столбы!

Ближний к нам был совсем тонким; его, пожалуй, можно было обхватить руками. Неровный, весь в трещинах и голубых линиях, он торчал из земли под большим углом, наклоняясь в сторону горной гряды. Ржаво-бурая поверхность

выглядела старой, ветхой, крошащейся. Совсем не хотелось стоять под ним; всё внутри будто бы говорило: «Он сейчас рухнет!» Искривляясь, столб тянулся вверх. В нём было метров сто, не меньше. А за ним росли другие, толстые и тонкие, ещё более высокие. И нигде не было видно ни одного куска отколовшейся породы, ни намёка на разрушение.

Сбросив рюкзак, я побежал к столбам.

Для меня момент соприкосновения с мечтой был именно здесь. Не фит, не саякары, и даже не Белый корабль – столбы! Столбы стали для меня символом Аномалии. Первый раз я вижу их так близко. Они реальны. Это не изображение, не фотография.

Я приложил руку к поверхности колонны. Трещины – глубокие и длинные, с острыми, чуть вывернутыми наружу краями – будто уходили в самую сердцевину; светящиеся голубоватые линии (экиканы) казались наполненными жидкостью. Они едва заметно пульсировали, неуловимо меняли цвет, и всё вместе передавало чувство какого-то движения, течения. Задиры (области отслаивающейся породы) торчали вверх тонкими неровными пластинками с острыми кромками.

Сейчас, осторожно прижимая руку к чешуйчатой поверхности, рассматривая столб в упор, я понял, насколько видео и фотографии ничтожны по сравнению с настоящим объектом, насколько мало могут они передать. Образ, построенный в голове лишь по фото и видео, на самом деле всего

лишь блёклая, плоская, пресная и неумелая копия того, что продолжает существовать где-то, живёт, меняется. У этой копии нет объёма, запаха, а самое главное – у неё нет масштаба. Невозможно ощутить, кто ты здесь, каков этот объект по сравнению с тобой. Невозможно составить полную картину: вместе с окружением, вместе со своими чувствами. Зритель остаётся зрителем, объект – объектом.

Теперь я часть этого.

Потерявшись в мыслях и эмоциях, я уходил всё дальше вглубь странного «леса». Мне хотелось прикоснуться к каждому «дереву». Всего за несколько минут я начал понимать мельчайшие отличия в структуре трещин, чешуек. Я видел, как меняются они по мере удаления от окраин, замечал лёгкие изменения цвета, пульсации экиканов... На обращённой к югу стороне можно было различить бусины бордовых кристаллов рубиита. Если закрыть их ладонями от солнца... Они светились! Они действительно светятся в темноте! Вот бы провести ночь прямо на этом месте! Да что там ночь – если бы можно было остаться здесь и всю жизнь посвятить изучению столбов, я выбрал бы такой путь, не раздумывая.

Я окликнул друга:

– Влад! Я пойду к тому краю.

– Ладно! А я пока понаблюдаю жуков. Представляешь, у них тут, похоже, город! Какие-то дороги!

Влад, сидя на корточках, снимал насекомых, а я, будто зачарованный, шёл от столба к столбу. Стоял полный штиль.

Тишина, спокойствие, умиротворение. Я лёг на мох. Колонны столбов, изгибаясь, уходили ввысь, в самое небо. В памяти возникли моменты из детства, когда я точно так же лежал на опушке соснового леса и представлял, что деревья – это столбы и что вокруг меня Аномалия. Если некоторое время так лежать, появляется ощущение полёта или падения в бездну, почти физическое ощущение невесомости, сродни тому, что редко-редко переживал я во сне. Приятное и пугающее одновременно чувство. Захватывающее. Зовущее.

– Ты нашёл все?

Я вскочил и обернулся: прямо рядом со мной, на кочке, сидел высокий человек в синих джинсах и коричневой с бежевым клетчатой рубашке. Он смотрел куда-то вдаль. Орлиный профиль, аккуратно уложенные назад иссиня-чёрные волосы, тёмные очки, висящие на расстёгнутом вороте... Не поворачивая головы, он повторил вопрос чуть медленнее:

– Ты нашёл *все*?

Я отполз назад, поднимаясь на ноги. Что теперь делать? Позвать Влада? Силовое поле защищало нас от обитателей Аномалии, от любых живых существ, кроме тех, у кого был такой же браслет: при приближении два поля беспрепятственно сливались в одно, никак не мешая контакту их обладателей. И было крайне маловероятно, что спокойно сидящий за Периметром человек пришёл сюда без своего генератора.

– Вы кто? – спросил я, не сводя взгляда с незнакомца, го-

товый в любую секунду броситься бежать.

– Это не важно. Важно лишь, нашёл ли ты *все* цифры.

Волна холода пробежала по моей спине. Значит, он галлюцинация. Надо успокоиться, просто успокоиться. Проверив, убедившись один раз, что вся эта чертовщина, связанная с цифрами – не более, чем фантазии мозга, можно будет избавиться от неё. Да, наверняка так и будет. Я набрал в лёгкие воздуха, но мой выкрик прервался репликой незнакомца:

– Не надо его звать. Не время. Ты не уверен в том, реален ли я?

Я стоял с полуоткрытым ртом, не в силах даже кивнуть. Незнакомец засунул руку в карман, достал что-то и вдруг резким движением кисти бросил в меня. Удар пришёлся точно в солнечное сплетение. Я согнулся, схватившись руками за живот. Присев на колени и отдышавшись, я поднял с земли гладкий шар. Чёрный, размером с мяч для тенниса, он был увесистым и очень холодным. Таким холодным, что, подержав шар в руках, я тотчас выронил его обратно, и он беззвучно упал на мох. Я закашлялся. Это была не галлюцинация. Тогда что? Что здесь происходит?

– Шар возьми, это оружие. Ищи цифры.

Я поднял глаза, но незнакомец исчез. Его нигде не было. Ко мне бежал испуганный Влад.

– Кай! Что с тобой?

– Всё хорошо... вроде бы. Ты видел?

– Что?

– Этого типа в рубашке.

– Какого?

По удивлению друга я понял, что он ничего не видел. Это подтвердило бы версию галлюцинаций, если бы не шар, лежавший передо мной. Я указал на странный предмет:

– А это? Это ты видишь?

– Шарик? Да. А что это?

– Не знаю... Слушай, тут только что появился какой-то мужик. А потом исчез.

– Ты уверен? Не может это быть галлюцинацией?

Я нервно рассмеялся и снова закашлялся:

– Вот и ты туда же. Не знаю, Влад. Мне совсем не кажется, что я псих или что-то в этом роде. Ладно. Что будем делать?

– Хм... – юноша задумался, катая шар по мху. – Для начала чего-нибудь поедим?

Это была лучшая черта Влада: умение сохранять в любой ситуации наивное спокойствие, сосредотачиваться на чём-то малом, достижимом. В школе его упрекали за нехватку амбиций, за отсутствие уверенности в себе и так далее, но мне всегда казалось, что его способ жизни намного более высок и совершенен, и я по-хорошему завидовал ему. Он сохранял мышление ребёнка, в то время как меня всё сильнее сковывала сложная паутина того, что люди называют ответственностью.

Уплетая титановыми ложками консервированную гречку с мясом, мы продумывали дальнейшие варианты действий. Влад, похоже, полностью поверил в появление и последующее исчезновение человека в клетчатой рубашке. Один этот факт оказал на меня столь сильное успокаивающее и ободряющее действие, какое вряд ли дали бы мне сейчас самые лучшие лекарства. Как всё-таки важно человеку быть услышанным, как важно, чтобы кто-то тебе верил, верил без доказательств.

Мы решили начать движение обратно к смотровой площадке, но теперь пройти по долине, правый пологий подъём которой сейчас образовывал гребень, приведший нас сюда. Договорившись в случае новых происшествий сразу нажать кнопки браслетов, мы собрали мусор в рюкзаки, скатали коврики и двинулись в путь. Чёрный шар (нагревшийся уже до температуры воздуха) я засунул в боковой карман брюк.

Глава 5

Обратная дорога оказалась на удивление лёгкой и приятной. Вместо камней, канав и щёлкающей травы под нашими ногами расстился ковёр рыжего мха. Жизни здесь было гораздо больше, чем в ущелье: над головой летали насекомые, справа и слева глаз постоянно ловил быстрое движение – маленькие обитатели долины перебегали от укрытия к укрытию, потревоженные нашим появлением.

У первой группы деревьев нас встретили синсиды, подвижные ловкие создания, похожие на полосатых белок. Они выискивали что-то среди кочек, но, завидев нас, длинными прыжками устремились к дереву и моментально забрались на самый верх. Оттуда, раскачиваясь на концах тонких веток, синсиды пристально смотрели на нас и негромко перещёлкивались. Большие чёрные глаза, бордовый с жёлтым мех, длинный пушистый хвост – не удивительно, что они стали так популярны.

Деревья встречались всё чаще. Крупные растения с кривыми, узловатыми стволами цвета миндаля и тонкими гибкими ветвями; высокие прямые ели, покрытые тёмно-красными иголками полуметровой длины; небольшие акации, оцетинившиеся острыми шипами... Листья оранжевые, золотые, бурые; сухих не найти: упав с дерева, они за неделю превращаются в пыль, впитываются живым ковром. Практи-

чески под каждым деревом – грибы, несколько шляпок, насаженных на одну ножку: маленькая, над ней ещё одна, побольше – и так до самого верха. Угольно-чёрные, в жёлтых и рыжих пятнах. Их мы обходили, поскольку все справочники и плакаты кричали об ужасной ядовитости грибов и запрещали даже прикасаться к ним. Эти многошляпочные киакимориусы (обычно их звали кикиморками) были одним из символов Аномалии, а также источником сырья для лекарства, окончательно избавившего землю от простуды – сладких капель с ёжиком на упаковке, знакомых каждому ребёнку.

Я периодически останавливался, чтобы сделать кадр-другой, а Влад в это время уходил вперёд. Сейчас он стоял рядом с аномальнинской елью, изучая длинную бороду иголок, а я наводил фокус на верхушку этого дерева, такого одинокого на фоне бесконечного неба... В видоискателе что-то зашевелилось. Я крутанул зум и увидел, как из плотной стены иголок вылезает, расправляя крылья, скорпион. Чёрный! Такая же ядовитая штука, как киакимориусы, но при этом в форме быстрого, агрессивного летающего хищника.

– Влад! – закричал я. – Скорпион, над тобой!

Между нами было метров двадцать. Не сговариваясь и не сводя взгляда со скорпиона, мы нажали кнопки браслетов... и ничего не произошло. Ни вибрации, ни звука. Я несколько раз вдавил кнопку до упора и растерянно посмотрел на

Влада.

– Не работает! – его крик подтвердил мои опасения.

Крылья скорпиона затрепетали, он оторвался от дерева, качнулся из стороны в сторону. Свёрнутый кольцом хвост расправился, и мне показалось, что я увидел блеснувшую в лучах солнца иглу-жало. Хищник, похожий сейчас на гигантскую стрекозу, сделал круг над Владом, затем ещё один. Круги становились всё меньше... Я сбросил рюкзак и закричал. Инстинктивный порыв, попытка отвлечь хищника на себя. Скорпион, не обращая на меня никакого внимания, продолжал снижаться. Что мне делать? Попробовать подбежать, использовать палки? Рука нащупала в кармане шар. В ближайшей точке сейчас будет метров десять. Я неплохо бросал в цель. Любимая игра детей на Камчатке – «зайчики» (*спортивная игра, заключающаяся в метании набивных мячей по подвижным целям, изображающим зайцев.* – Прим. автора). В средней школе я даже как-то побеждал на соревнованиях. По крайней мере, это может его отпугнуть! Зажав шар в руке, я выставил вперёд левую ногу, развернулся, наклонился и, доверившись инстинктам, сделал резкий, хлёсткий бросок, стараясь как можно дальше проводить снаряд кистью.

Я сразу понял, что ошибся с расстоянием: надо было бросать чуть выше... Однако шар, вместо того чтобы снижаться под действием силы тяжести, полетел по прямой, стремительно ускоряясь. Будто в замедленной съёмке я наблюдал,

как всего за несколько метров он, развив немислимую скорость, врезался в скорпиона, буквально разметав того на куски, и со свистом продолжил свой безумный полёт, точкой исчезая в небесах.

Влад изумлённо смотрел вверх. Я подбежал, схватил его за руку и потащил от дерева: останки скорпиона могли быть ядовиты, а что самое скверное – он мог быть и не один. Мы схватили рюкзаки и побежали по склону вверх, на тропу. В конце склона нам пришлось карабкаться на четвереньках, цепляясь за отрывающиеся пласты сухого мха. Помогая друг другу, мы наконец перелезли через каменную насыпь и упали на землю, не обращая внимания на колючую жёсткую траву.

Отдышавшись, я приподнялся, чтобы осмотреться. Скорпионов больше не было. Зато справа по воздуху к нам стремительно приближалась какая-то чёрная точка. С продолжающим часто колотиться сердцем я встал между ней и лежащим другом и приготовился к худшему. Однако, к моему удивлению, это оказался тот самый чёрный шар. Он летел по прямой точно на меня, замедляясь. Подлетев к груди на расстояние вытянутой руки, шар замер в воздухе. Я шагнул к нему и взял шар рукой. Он был холодным, должно быть, около нуля по Цельсию, и влажным. «А, чёрт, – я выронил его на траву, – вдруг это кровь скорпиона, ядовитая!» Я взглянул на руку: жидкость напоминала воду, но никак не кровь. Ни запаха, ни цвета – роса росой...

Усевшись рядом с пришедшим в себя Владом, я вытащил пачку салфеток и принялся тереть ладонь и шар. Влад протянул руку:

– Дай мне одну, лицо протереть... А здорово ты попал. Лучше бы без таких приключений, но это было классно!

– Да ладно... – я смутился. – Вообще, странная штука. Ты видел, как он вернулся?

Влад кивнул. В этот момент справа, из ущелья водопадов, послышался звуковой сигнал. Писк. Точно такой же, что я слышал в машине по пути сюда.

Глава 6

Подойдя к самому обрыву, мы легли на землю, подползли к краю и посмотрели вниз. На дне ущелья, среди нагромождения слоистых кусков породы, упавших сверху, тёк слева направо небольшой ручей. Метрах в пятнадцати вверх по течению, прямо посреди ручья, лежал колёсами вверх «Тигр»: корпус искорёжен, одна дверь сорвана с петель и валяется рядом. Та же голубая краска, что у машины нашего проводника Сергея, те же белые цифры. Из салона через равные промежутки времени доносился звуковой сигнал. Мы переглянулись.

– Кай, как думаешь, это наша?

– Надеюсь, что нет. Хотя, если она тут уже давно, почему её ещё не убрали?

– Надо спуститься вниз!

Я посмотрел по сторонам: ущелье не выглядело столь уж неприступным. Имей мы хорошую верёвку и хотя бы минимальные навыки, спуститься было бы не сложно. Но кроме мотка паракорда и опыта лазания по канату в спортзале у нас не было ничего.

– Влад, это нереально. К тому же можно травму получить. Что тогда?

– А если вернуться к столбам? Там не так высоко, и наверняка есть безопасный путь вниз.

Я колебался. Мы могли бы направиться к началу маршрута, чтобы посмотреть, на стоянке ли наша машина и её водитель. Или делать большой крюк ради того, чтобы добраться до бесполезного для нас разбитого «Тигра» и получить информацию, которая...

– Чем нам это поможет? Допустим, это наша машина. Что тогда?

– Не знаю... Думаешь, лучше вернуться на стоянку?

– По крайней мере, если нас будут искать, то скорее обнаружат там, чем в этом ущелье. Да и в машине никого нет. Зачем рисковать?

Влад отполз назад, сел на траву и вытащил бутылку с водой.

– Наверное, ты прав.

Я посмотрел на время. Почти пять часов. Для проверки пару раз нажал кнопку браслета – генератор по-прежнему не работал. «Хотя бы часы ходят» – подумал я. В этот момент часовая стрелка скакнула назад, указав на два часа. Затем на девять. Четыре, час... Снова вернулась к латинской «V». Я моргнул и потряс браслет. Стрелка больше не двигалась. Минутная повернулась на следующую отметку, как ей и положено. Да ну к чёрту! Я натянул на браслет рукав. Придётся по возвращении сходить к доктору.

Обратный путь оказался намного тяжелее. Сказывалась усталость, дорога теперь шла вверх; к тому же мы потеряли одну палку: я наступил на неё во время нападения скорпиона. Браслеты не работали, вокруг творилось что-то странное, что-то, к чему мы совсем не были готовы. Настроение было подавленное, разговаривали мало. На одном из подъёмов я провалился ботинком в глубокую канаву и потянул лодыжку. Влад предложил остановиться, но я уверил его, что со мной всё в порядке, и мы продолжили движение. Идти было больно, но попросить друга снизить скорость я не решался.

Эта особенность характера приносила мне в жизни больше вреда, чем пользы – умалчивание собственных проблем, желание всегда всё делать самостоятельно. Ирония заключалась в том, что учителя, взрослые, книги – все как один утверждали, что именно таким быть хорошо, правильно, похвально. Похвально-то оно быть может и похвально, но дружбе порой здорово вредило...

Стоянка была пуста.

На каменистой поверхности невозможно было разобрать следы колёс, так что мы не имели ни малейшего представления о том, что случилось с нашим «Тигром» и его водителем. Точнее говоря, логично было бы считать нашей ту машину,

что покоилась на дне ущелья, но мысли об этом вызывали страх и оставались невысказанными.

Солнце катилось к закату. Стало холодать. Серые тяжёлые облака, скрывающие вершины гор к северо-западу от нас, окрасились багряным. «Прекрасный вышел бы кадр» – подумал я, но камеру в руки брать не хотелось. Хотелось просто лежать и ждать ясности. В конце концов, мы не были героями и не годились на их роль.

«Не время раскисать!» Я ощупал повреждённую лодыжку – нога прилично распухла, но двигаться это пока не мешало. Незаметно от Влада я сунул в рот пару таблеток обезболивающего. Так-то лучше.

– Кай, тут вроде неплохое место.

Я обернулся. У въезда на площадку скала образовывала небольшое углубление: какая-никакая защита от ветра и дождя. Рядом были навалены камни – видимо, остались от расчистки стоянки.

– Пойду поищу мох.

– Подожди, я с тобой.

* * *

Быстро темнело. Сидя у нагретой за день скалы, мы доедали последние две банки консервов. Оставалось несколько батончиков, конфеты, жвачка, пара пачек крекеров и чуть более литра воды на каждого. Вера в то, что нас спасут в

крайнем случае к утру, была достаточно сильна, чтобы пока не подсчитывать припасы и не думать, как их пополнить.

Воздух становился всё более и более влажным, холодным, тяжёлым. В свете фонарей телефонов дыхание превращалось в облачка пара. Мы надели на себя всё, что было в рюкзаках и собрали из пластов пыльного мха пару импровизированных кроватей. Спать решили по три часа, первым сторожить остался я.

Сидя в полной темноте и пытаясь согреть заочневшие руки дыханием, я вслушивался в глубокую бездну Аномалии, окружавшую нас. Бездна жила своей жизнью: еле слышимый шум водопада, ритмичное пощёлкивание, далёкие завывания, шелест, стуки, шорохи... Как много звуков! Удивительно, что Влад так быстро уснул. Я был совершенно не уверен, что смогу отдохнуть этой ночью. Как же страшно без света! Зря не придумали какой-нибудь костёр... Рука нащупала телефон в кармане. Мы отключили связь – она всё равно здесь бесполезна – ради экономии батареи для фонаря, но насколько хватит заряда, сказать было невозможно. Должно быть, на пару дней. Точнее ночей...

Время ползло медленно. Пару раз за вахту я вскакивал от близкого шума, включал фонарик и, сжимая в правой руке чёрный шар, готовился к сражению с неведомыми опасностями. Однако площадка была пуста, и я снова садился

на ставший влажным от росы кусок мха и погружался в размышления о том, что такое галлюцинации, что такое реальность и насколько способен человек управлять тем и другим.

Через три часа раздался звук будильника. Секунд десять Влад боролся со сном и темнотой, пытаясь его выключить.

– Кай, ты тут? Всё хорошо?

– Да. Может, ещё поспишь? Мне всё равно не охота. Разбужу тебя через пару часов.

– Нет, так не годится. Договорились же.

Я всё же сумел убедить Влада, что если хотя бы один из нас выспится – это будет лучше для обоих. Через пять минут он уже крепко спал. Я покачал головой и улыбнулся – вот же талант. Мне бы такой.

Прошло, должно быть, часа полтора. Мои реакции притупились, шумы и шорохи стали привычной частью океана, в котором я растворялся. Течение разносило меня по окрестностям, и в каждой стороне на берегу ждали местные жители. Мы обменивались подарками: я передавал им шоколадные батончики, а в обмен получал разноцветные кристаллы...

Я заснул.

Разбудил меня Влад.

От неожиданного прикосновения я вскочил. Половина шестого! Чёрт! Как я мог заснуть?!

Небо светлело. Вокруг висел густой туман, холод пробирал до костей. Оглядевшись, я повернулся к другу:

– Извини, меня вырубил.

– Кай... Кай, у меня что-то с рукой...

Влад задрал рукав: до самого локтя кожа стала бледно-серой, с крупными чёрными пятнами. По лбу друга катился пот, он смотрел на меня широко открытыми глазами в надежде, что я помогу ему. Что делать?! Я бросился к рюкзаку, вытащил аптечку.

– Болит?

Он едва заметно кивнул.

– Очень... Кай, что это такое?

Я не знал! Но скажи я ему сейчас, что я не знаю – и мы оба свалимся в пучину паники, из которой, может статься, не выберемся. Успокоиться, включить логику. Обезболивающее. Закоченевшими руками я выдавил две таблетки. Влад с трудом проглотил их и повалился на землю. Я дотронулся до его лба – горячий! Плохо дело. Жаропонижающего нет. Может быть, антисептик?

Я пододвинулся, чтобы рассмотреть руку поближе. Никаких ран или повреждений. Просто кожа вдруг сделалась серого цвета, и поверх – ровные пятна, совершенно чёрные. Хотя...

В центре пятна, занимавшего почти всю поверхность тыльной стороны кисти, виднелись еле различимые линии. «Два». Цифра. На следующем ничего, и все остальные пу-

стые. Сколько их? Почему это так важно? Во рту у меня пересохло. «Потерпи, Влад, немного потерпи. Это очень важно...»

Семь. Их семь.

Закрыв глаза, я едва слышно произнёс:

– Два, пять, восемь, один, пять, восемь, ноль.

Пятна один за другим начали тускнеть, растворяться в окружающем цвете. Влад лежал с закрытыми глазами и ничего не видел, а я с надеждой смотрел на то, как кожа постепенно приобретает естественный цвет. Через минуту от страшной картины не осталось и следа.

Влад лежал неподвижно. Я слегка потряс его за плечо:

– Лучше? Тебе лучше?

Он открыл глаза, медленно подтягивая к себе руку. Увидев неожиданные изменения, принялся ощупывать кожу, сжимать и разжимать пальцы. Затем в изумлении повернулся ко мне. Некоторое время мы молча смотрели друг на друга, как будто онемев от шока. Я сделал неловкий, извиняющийся жест:

– Цифры... Кажется, помогли. Не болит больше?

Юноша снова осторожно подвигал рукой:

– Вроде бы нет. Кай, что здесь происходит?

– Не знаю. Но...

Я задумался. Объяснить происходящее с точки зрения привычной нам жизни и её правил было невозможно. Но у Аномалии свои законы, к тому же людьми до конца не изу-

ченные. И нам придётся действовать по правилам, которые предлагает Аномалия, если мы хотим выбраться отсюда.

– Слушай, Влад. Я пока не всё понимаю, но тебя я ни за что не брошу. Просто верь мне.

Глава 7

Крекеры мы решили оставить на крайний случай. Завтрак, состоявший из батончика, прошёл за изучением карты: нам нужна была вода. Дорога к водопадам уже знакома, но до места, где можно спуститься в ущелье, идти около часа. И всё равно спуск получится рискованным, особенно если туман не рассеется. Зато прямо перед нами, на расстоянии километра, находилась, если верить карте, излучина реки. Что ж, туда и отправимся.

Оставив на видном месте записку с указанием времени и направления на случай появления спасателей, мы двинулись в путь.

Ни дороги, ни тропы – твёрдый грунт, засыпанный щебнем. Мокрые от росы камни перекатываются и скользят под ногами. Кое-где прямо из камней торчат кустарники высотой по пояс: ни листочка, только палки и колючки. Вокруг молоко тумана, видно вперёд метров на тридцать. Главное, чтобы нога не подвела...

Река возникла перед нами неожиданно. Стена тумана расступилась, и мы увидели широкий песчаный берег, блестящую полоску воды и летящих к нам скорпионов!

Я выхватил шар и бросил с упреждением в первое насекомое. Шар начал ускорение, но стоило мне резко отдёрнуть

руку назад, чтобы сохранить равновесие на скользкой поверхности, как он изменил направление на противоположное и, повторив свой путь, завис в метре от меня. «Вот как это работает!» – я шагнул вперёд, хватая шар и сразу запускаю его в приближающегося скорпиона. Точное попадание! Резкое движение кистью назад; изготовка; бросок. Снова назад...

Дважды я промазал, но результат битвы это изменить не могло. Пять скорпионов валялись на песке, ближайший метрах в десяти от нас. Я вытер рукавом пот со лба: эта штука идеальна. Невозможно придумать что-то более подходящее для меня. Даже вес и размер – в точности такие, какие я выбрал бы сам.

Влад перевернул палкой одного скорпиона:

– Не рыжий, но и не совсем чёрный. Пойди пойми тут, ядовитые они или нет.

* * *

Вода в реке была совершенно прозрачной. Журчание неглубокого быстрого потока успокаивало. Мы уселись на камне и смотрели на воду. Куски ржаво-бурой породы с острыми углами, видимо попавшие в реку недавно, образовывали вокруг себя небольшие водовороты. С росших на противоположном берегу деревьев свешивались в воду воздушные корни. Они колебались в течении реки и казались от этого

пугающе живыми – щупальцами неведомых монстров.

Мы вдоволь напились, наполнили бутылки, умылись. События ночи казались теперь просто дурным сном. Мы молодцы. Скоро за нами приедут, и всё произошедшее станет предметом не страха, а гордости. Да что там – про это можно целый рассказ написать!

Раздавшийся вдалеке протяжный вой рывком вернул нас в реальность. Фит!

Впереди река, пенясь порогами, уходила вниз. Из-за этих порогов, поднимая дыханием кучу брызг, выплывало, заслоняя собой горы, огромное животное. В отличие от вчерашней встречи, движения фита были резкими; дюжина хамелеонных глаз, расположенных вокруг морды, выискивала признаки живых существ. На обросшем сокоитами брюхе виднелись набухшие хоракеты.

Серо-чёрное тело исполина качнулось вправо. Из-под деревьев бросились врассыпную таившиеся там животные. Голова фита приподнялась, и из двух передних утолщений-хоракет выскочили ротовые трубки – длинные мускульные щупальца, заканчивающиеся трёхгубой пастью, усеянной иглами острых зубов.

Фит охотился.

Щупальца двигались с невероятной быстротой. Настигнув добычу и вцепившись в неё мёртвой хваткой, они тотчас утаскивали её наверх, скрываясь в хоракетах. Фит летел па-

раллельно реке, с высоты десяти метров выбирая щупальцами всё, что привлекало его внимание.

Мы в растерянности озирались, ища какое-нибудь укрытие. На другом берегу реки – деревья, крупные валуны, а за ними – скалы. Крутой подъём у воды выглядел опасно, но другого варианта не было, и мы бросились вперёд через реку.

Это было ошибкой: фит моментально потерял интерес к охоте за скачущими под ним в панике четвероногими и стремительно направился в нашу сторону.

Влад ловко вскарабкался наверх, я подал ему рюкзаки и тоже схватился было за узловатый корень, но понял, что мы не успеваем. Гигант на всех парах нёсся к своей добыче. Ноздри его раздувались, глаза, расположенные снизу, смотрели точно на нас. Я спрыгнул вниз. Стоя по колено в воде и посильнее уперевшись левой ногой в песчаное дно, я вытащил шар и швырнул его, почти не целясь, вложив всё в силу броска.

За несколько метров шар набрал такую скорость, что послышался свист от его движения. Ускорение выглядело неестественным, невозможным, нарушающим законы физики и оттого особенно захватывающим. Шар с глухим хлопком врезался в фита и на мгновение исчез, но тут же, в фонтане чёрной крови, вылетел с обратной стороны. Я отдернул руку вправо, будто рисуя в воздухе дугу. Шар остановился и рванул ко мне, полукругом огибая раненого исполина. Фит на секунду замер. Затем дрожь пробежала по телу жи-

вотного, голову сверху озарила яркая вспышка, и раздался оглушающий удар грома. Сбитый потоком ледяного воздуха, я упал в реку, и в этот момент волна воды накрыла меня. Сверху посыпались камни и ветки деревьев. Меня протащило вверх по течению и выбросило на наклонный плоский камень. Сжимая шар в правой руке, левой я зацепился за самую его кромку. Набравшая в себя речной воды одежда стала тяжёлой; с огромным трудом мне удалось подтянуться и залезть на камень. Фит был почти надо мной! Можно было рассмотреть овальный зрачок нижнего глаза, этот ужасающий прицел, наведённый на меня и готовый дать команду челюстям вырваться из укрытий, чтобы вцепиться в свою жертву. Страх придавал мне сил. Я перекинул тело через камень, упёрся в него ногой и запустил шар в фита, целясь в ту часть головы, где находились глаза разбушевавшегося чудовища. Чёрная кровь хлынула вниз, исполин покачнулся. Тело его опять задрожало, раздался сиплый вой, голова засветилась. Но в этот момент пойманный мной шар уже снова летел в цель. Не дожидаясь результата броска, я побежал на песчаный берег. Нужно отбежать как можно дальше! Давай, шарик, не подведи... Я развернулся, готовясь к решающим мгновениям схватки, но всё было кончено. Фит боком опускался в почерневшую от крови реку. Хвост его обвис, глаза замерли. Ломая уцелевшие деревья, гигантское животное, только что парившее в воздухе, тяжёлой массой рухнуло на поверхность.

Вода в реке, сделавшаяся мутной от поднятого песка, разливалась перед лежащим на её пути поверженным исполином и, найдя себе новые протоки на левом берегу и обогнув преграду, устремлялась в привычное русло. Густая чёрная кровь, попадая в течение, не растворялась в нём, а образовывала длинные нити, которые вода уносила к порогам.

Я схватил висевший передо мной в воздухе шар и, поднимая брызги и спотыкаясь, побежал на другой берег.

– Влад! Влад!

Кое-как вскарабкавшись по осыпающейся породе, я бросился к тому месту, где мы пытались вылезти пару минут назад. Рюкзаки лежали около высокого гладкого валуна. Влада нигде не было видно.

– Влад!!

Я пробежал дальше от берега: овраг, покрытый рыжим мхом склон, скалы... Справа и слева пустое пространство... И – никого. Остаётся только река. Спина похолодела от этой мысли; я сглотнул и бросился назад, к берегу.

Фит исчез.

Не было заметно никаких следов сражения. Журчание воды, качающиеся корни, тени деревьев... С открытым от удивления ртом я стоял на берегу, держась за ветку высокого дерева, наклонившегося над рекой. Не мог же он улететь?! Да и следы – тут всё было поломано, море чёрной крови...

– Кайнын!

Услышав своё имя, я обернулся. Сзади меня, на пласте

выступающей из земли тёмной породы, сидел человек в клетчатой рубашке. Та же одежда, та же поза, чёрные очки, закрывающие глаза.

– Твой друг скоро вернётся. Но есть проблема... – он поднял голову и посмотрел куда-то в небо. – Ты всё делаешь не правильно.

– В смысле? – опешил я. – В каком смысле не правильно? Я вообще не понимаю, что здесь происходит. Куда делся фит?

– О... Фит! А может быть, всё это – лишь твоё воображение?

– Чушь! Я чуть не утонул в реке, а потом...

– У тебя одежда сухая, – прервал незнакомец.

Я схватил ветровку руками и замер. Сухая... Неужели это действительно галлюцинации? Если так, если это действительно так, то где они кончаются? Где начинается реальность?

– Вот что, – его голос стал тише и холоднее. – Не ищи логики, ищи цифры. Говори их своему приятелю. Тогда это закончится. Чем дольше вы будете здесь находиться – тем опаснее для вас.

Я испугался, что он сейчас исчезнет, как в прошлый раз:

– Погоди! Где их искать?

– Ты должен знать.

– Я?!

– А кто же ещё? – он махнул рукой в сторону реки. – Да,

опасности. Опасности реальны. Не советую в этом сомневаться. Adió!

Незнакомец пропал.

Внутри меня проснулась злость. Злость, вырвавшаяся наружу из вязкого кома ощущения, что я – часть неведомой чужой игры, правил которой мне никто не объяснил. Я подобрал камень и швырнул в то место, где только что сидел незнакомец. Камень, высекая искры, чиркнул по скальной породе, ударился в дерево и упал вниз. Я устало побрёл к рюкзакам.

Влад ждал меня.

– Кай! Я уже хотел идти тебя искать. Куда ты пропал?

Я замер.

– Влад! Только что, в этом самом месте мы перебежали реку. Потом напал фит. Я подбил его шаром, и он упал. Это было?! Ты видел это?

– Фит? Мы же просто гуляем... Откуда тут фит?

Влад выглядел растерянным. Я нахмурился:

– Мы приехали сюда на голубом «Тигре». Потом скорпионы. Машина пропала, ночью у тебя рука стала серая... Влад! Ты помнишь это?

Юноша покачал головой. Значит всё это – лишь фантазии? Я сунул руку в карман и вытащил шар. Кинул его в сторону, затем движением кисти вернул обратно.

Влад смотрел на это будто ребёнок, сидящий в цирке на первом ряду и наблюдающий выступление фокусника или жонглёра. Он ничего не помнил. Камера! Телефоны! Надо просто показать ему фотографии... Чувство ответственности, которое положено испытывать старшему по отношению к младшему, захлестнуло меня: он ведь пережил не меньше моего!

– Только не переживай. Я где-то читал, что с памятью такое бывает. Защитная реакция. Ничего, всё преодолеем...

Я решительно открыл одну из двух оставшихся пачек крекеров и протянул другу. Вот так. Поедим и будем выбирать-ся отсюда. Просто пойдём пешком по дороге от площадки назад. Там мы наверняка кого-нибудь встретим.

Щёлкая тугой крестовиной камеры, Влад с удивлением перелистывал вчерашние фотографии:

– Я правда ничего не помню. Мне казалось, что мы только-только приехали. А потом ты куда-то пропал.

– С фитом сражался, – вздохнул я. – *Кажется*, сражался. Ну что, идём к дороге?

Влад кивнул. Я поднял рюкзак. Переправившись вброд через реку, мы снова зашагали по щебню к площадке.

* * *

«Кровати» из пластов мха были на месте. Ниша в скале, железный забор, записка на камне – стоянка вызывала ощу-

щение безопасности, ощущение дома. Казалось, стоит отдалиться от неё, как Аномалия снова бросит против нас всю свою армию.

Дорога уходила вниз, петляла среди валунов, сворачивала к горам и терялась из виду за поворотом. Мелкий щебень, две чёткие колеи: ездили здесь часто. Щуря глаза, я вглядывался в ту точку, откуда должна была появиться помощь. Аномалия, любимая с детства Аномалия, скалы с острыми вершинами, столбы, сверкающие кристаллы – посреди них поселилось нечто, чуждое этому месту. Оно повсюду следует за мной, и никак не определить, *что* оно и где оно.

Когда появилось это чувство? Сложно сказать... Во всяком случае, не сейчас. «Надо бы глянуть, что за штуки висят на тех двух мачтах» – подумал я, подходя к ограде. Трубы из металла, краска в несколько слоёв: сначала серо-голубая, под ней, в сколах, бордовая, а ещё дальше – болотно-зелёная. На каждой мачте – по паре коробок и камера. Кажется, когда мы сюда приехали, обе камеры были направлены в сторону долины. Теперь же чёрные глазки их смотрят на площадку. Возможно, за нами наблюдают. Возможно, нас хотят спасти...

– Кай! Кто-то едет! – Влад дёрнул меня за рукав, указывая на дорогу. Рядом со скалами действительно угадывалось движение. Две машины. Нет, три. Четыре. Четыре чёрные точки, вот только машины ли это? Вместо плавного движения – резкие хаотичные скачки, перемещения то к одной,

то к другой стороне дороги. Живые существа! Приближаются; вот уже можно разобрать их устройство: пара длинных тонких ног коленями назад, чёрное шарообразное туловище, свисающие вниз не то руки, не то клешни, длинный тонкий хвост, пара светящихся глаз.

Вслед за первыми всё новые и новые появлялись из-за валунов. Их были десятки! Времени на размышления не оставалось. Я отдал Владу нашу последнюю палку и вытащил шар. Первое существо из наступающей стаи вырвалось вперёд и уже поднималось к площадке, раскачиваясь на бегу. Оно двигалось теперь точно на меня – двухметровый монстр, ни разу не встречавшийся мне ни в книгах, ни в телепередачах. Я прищурился, сосредоточился на невидимой траектории и бросил шар. Снаряд ударил по касательной, но скорость его к тому моменту была уже так высока, что существо, потрясённое столкновением, потеряло равновесие и покатило с дороги под откос. Шар снова был у меня в руке. Двое, и ещё одно справа. Замедлились. Подняли сложенные под туловищами клешни – длинные конечности с тремя суставами, последний сегмент которых представлял собой изогнутый костяной клинок с зазубринами.

Два точных попадания, один промах.

Ещё трое, и одно существо справа; ещё двое слева... Их слишком много!

Я смог расправиться с шестью или семью, когда понял, что мы окружены. Хищники были умны. Пока первая волна

отвлекала внимание на себя, вторая группа обошла площадку понизу и оказалась у нас за спиной. Прорваться к скалам? Залезть на возвышенность? Теперь уже поздно!

Лихорадочно оглядываясь, я пытался найти путь к спасению. Меня не покидало ощущение, что такой путь есть и я его знаю, просто никак не могу вспомнить. Влад стоял рядом, выставив перед собой трекинговую палку; глаза его были полны ужаса. Существа замерли, медленно складывая и снова раскрывая клешни-клинки, и будто по команде бросились на нас.

Помню, как поразил двоих навывлет; затем резкая боль в груди и темнота...

В этой густой темноте я лечу, не в силах управлять своим полётом. Подо мной – пустота, некое нематериальное *ничто*, от которого веет холодом. Бесконечный горизонтальный полёт над страшной пустотой, чувство невесомости, незащитности. Вдруг моих рук касаются другие руки. Тёплые. Они тянут меня вверх, прочь от бездны.

Постепенно появляются звуки: шаги, голоса...

«Генерал, это бесполезно!»

«Сколько дней вам потребуется?»

«Недели две».

«У нас их нет, доктор. Шесть дней. Это максимум!»

Укол, тепло... Сигналы. Сигналы звучат всё чаще... Идеальный ритм – успокаивает, погружает в сон. Но вот музыка сигналов начинает распадаться на отдельные фразы, каждая

в своём темпе; тон неуправляемо меняется, создавая диссонансы. Это мешает спать, тревожит, будит.

Снова два голоса, женский и мужской.

«Доктор!»

«Вижу».

Я приоткрыл глаза.

Комната с чёрными стенами, приглушённый свет. Надо мной – напряжённое внимательное лицо человека в очках. Он кажется сразу и молодым и старым, невозможно определить возраст. Наверное, лет сорок. Пытаюсь задать вопрос, но что-то мне мешает. Появляется второе лицо – молодая девушка. Убирает трубку изо рта. Хочется кашлять, но не получается. Во рту сухо, губы не слушаются.

– Где я? Что со Владом?

Человек в очках наклоняется надо мной, поправляет что-то около головы:

– Все живы, все живы...

Из дальнего угла комнаты слышны сигналы. Такие же, что звучали тогда в машине... Машина!

– А что с водителем? Его нашли? – я поворачиваю голову.

– Водителя? – человек в очках хмурит брови и пристально смотрит на меня. – Молодой человек, вы помните, как меня зовут? А название операции?

– Вас? – переспрашиваю я. – Разве я вас знаю?

– Так. Дело плохо.

Я чувствую укол в плечо, глаза сами собой закрываются.
На этот раз никакого полёта, никаких мелодий – просто тишина и темнота...

Глава 8

Кто-то звал меня по имени. Сначала мне показалось, что это голос Влада. Я открыл глаза, одновременно пытаюсь подняться. Чёрная комната, писк приборов, лампочки... Значит, это был не сон.

Рядом с моей кроватью сидел человек в очках. Зачёсанные назад каштановые волосы, чёрный халат, загадочный прибор на шее... «Должно быть, доктор, – подумал я. – Только отчего же всё такое чёрное?»

– Кайнын, ты меня вспомнил?

Я отрицательно помотал головой.

– У нас подозрение на полную амнезию. Я думаю, что это временное явление, но поскольку мы очень спешим, я коротко введу тебя в курс дел, – он посмотрел на часы. – Как раз к обеду уложимся. Итак, ты Кайнын Ээл, первое звено проекта «Волхвы». Второе звено – Влад Сотошевский. Вы двое – обладатели редкой аномалии, делающей возможным телепатический контакт между вами. Для нас это единственный способ безопасной и мгновенной передачи информации. Всё остальное будет перехвачено, а шифрование теперь бесполезно, совершенно бесполезно... Ах, да. Меня ты тоже не помнишь... – мужчина снял очки, достал из кармана платок и принялся протирать стёкла. – Карцев Андрей Петрович, руководитель девятого отдела и волею обстоятельств твой

личный врач. Мы сейчас в подземной лаборатории. Персонал здесь новый, с тобой ранее не знакомый – это для твоего комфорта.

Я тщетно пытался найти в его лице знакомые черты. Добрые внимательные серо-голубые глаза, чуть впалые щёки, волевой подбородок... Определённо, он вызывал внутри какие-то эмоции, отклик, которого не вызвал бы незнакомец. Но я никак не мог зацепиться за эти ощущения, не мог нащупать дорожку к скрытым воспоминаниям. Он выглядел очень уставшим, этот человек. Борьба с усталостью, тщательно скрываемое сейчас внутреннее напряжение чувствовались в интонациях, паузах, жестах.

Доктор надел очки и, аккуратно сложив платок, продолжил:

– Итак, вернёмся к главному. Ваша задача – обмен координатами, кодами и другой информацией. Обычно в виде ряда цифр.

Внутри меня всё похолодело:

– Цифры! Те, что из Аномалии? Это были они?

– Да, вероятно, – доктор замялся. – Честно говоря, мы не знаем, как вы общаетесь. Ты рассказывал, что это похоже на *общий сон*. Вашим условием было не интересоваться тем, что происходит с вами *внутри*, поэтому для нас это своего рода табу. Мы лишь помогаем.

Я облизал пересохшие губы. Только сейчас я понял, что грудь у меня плотно забинтована. Из-под бинтов выходили

две трубки. Они тянулись к массивному аппарату, расположенному рядом с кроватью.

– Аномалия, наше путешествие... Это всё сон?

– Вероятно, – пожал плечами доктор. – В любом случае, вы *не хотели* рассказывать про сны. Просто напоминаю, чтобы мы оба потом не жалели об этом разговоре. В нашем деле главное – доверие. Так, время обеда. Ешь, приходи в себя. Вот тебе планшет, новости посмотришь, документы прочитаешь, восстановишь в голове картину мира. Разблокировка по глазам, для блокировки просто закрываем обложку. Вот здесь – кнопка вызова медсестёр. Не стесняйся, почувствуй себя главным!

Доктор улыбнулся, ещё раз проверил приборы и вышел из комнаты.

Чувствовать себя главным не получалось. Уверенность у человека появляется от знаний, от информации. А этого-то как раз катастрофически не хватало.

Расположившись поудобнее на кровати и уперев планшет в столик, который поставила передо мной медсестра, я принялся листать оставленные доктором документы. Противостояние двух фракций достигло своего предела. Мир, разделённый стеной непонимания и ненависти, готов был вот-вот сорваться в безумие большой войны. Два квантовых вычислителя стояли во главе двух армий, перемещая смертоносные системы по суше, под водой, в космосе. И всё же война

не начиналась: у каждой из сторон существовало абсолютное оружие, применения которого не хотел никто.

Странное дело: я читал, но совершенно ничего не мог вспомнить. С одной стороны – образы из детства, проведённого на Камчатке: дедушка рассказывает мне про охоту. У него суровое лицо, всё в морщинах, шрам на щеке и очень добрая улыбка. Руки большие, тёплые. Я мечтаю, чтобы он взял меня с собой; просить не прошу, не принято. Морошка – бывает, её так много, что горстями ешь. Вулкан на фоне осеннего неба, треск костра. Просторы тундры, её запахи, её ветер. Олени...

С другой стороны – Аномалия. Щекочущее чувство чего-то неземного, фантастического. Кристаллы, столбы, могучие горы, животные и растения, про которых знаешь уже всё, что известно людям. Она очень реальна. Она *слишком* реальна. Сложно думать о ней, как о сне. А между Камчаткой и Аномалией – ничего. Пустота.

Родителей я тоже вспомнить не мог. Из друзей – только Влад. Кстати, я так и не спросил, где он. Поскорее бы встретиться. Одному в ставшем вдруг чужим мире страшно и одиноко. Одиноко и страшно.

Доев гречку с печенью и выпив компот, я сидел с яблоком в руке, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь. Размером яблоко было похоже на чёрный шар из Аномалии. Кислое. Эх, не люблю кислое. Вернёмся к планшету. Одна из вкладок открывала передо мной длинный текст с надписью «секрет-

но» на первой странице и подробным рассказом о функциях и полномочиях девятого отдела. Сто с лишним страниц. Вздыхнув, я начал было читать, но тут за дверью послышались голоса.

В комнату вошёл высокий человек лет пятидесяти, стройный, широкоплечий. Поверх тёмно-синего кителя накинута чёрный халат. За ним незаметно проскользнула медсестра. Пока она убирала стол и меняла ёмкости с оранжевой жидкостью, висевшие на кронштейнах за спинкой, высокий человек подкатил к кровати стул и сел.

– Генерал Орлов Сергей Петрович, командующий операцией «Волхвы». Доктор Карцев рассказал мне, что ты потерял память. Мы все очень переживаем за тебя, Кайнын. Переживаем и верим в твои силы. Как ранение?

Я вопросительно дотронулся до груди:

– Вроде не болит... Простите, а от чего это?

Генерал дождался, когда медсестра покинет комнату. Дверь плавно закрылась, тихо щёлкнул замок.

– Покушение. Как видишь, враг не дремлет. Но можешь не беспокоиться, мой мальчик, – генерал моргнул и постарался улыбнуться, – можешь не беспокоиться. Мы обнаружили шпиона и больше подобного не допустим. Регенераторы сейчас творят чудеса, так что положишься на доктора и его персонал.

– Сергей Петрович...

– Да?

– А Влад тоже тут? Когда мы сможем увидаться?

– Второе звено? – генерал нахмурился. – Похоже, ты ещё не прочитал... Нет. Влад Сотошевский находится на борту подводной лодки проекта «Волхвы» в районе Антарктики. Поскольку связь с лодкой возможна только через тебя, то...

В комнате повисла долгая пауза. Аппарат у кровати мигнул и тихо заурчал. Под бинтами снова возникло приятное ощущение тепла.

– То есть, вы не знаете, что с ним?

Генерал посмотрел вверх, подбирая слова:

– Мы уверены, что с ним всё хорошо. Ты быстро восстановишься и сам сможешь увидеть друга.

Генерал встал, поправил китель под халатом и положил руку на спинку кровати:

– Если тебе что-то понадобится – сразу зови меня через медсестёр. Меня или доктора, – он развернулся и направился к двери, но у самого выхода остановился.

– Всё, относящееся к «Волхам» – секретная информация. Младший персонал не имеет к ней доступа. По легенде, ты участник гражданской космической программы, так что не удивляйся. Впрочем, это должно быть в документах, которые оставил доктор.

Глава 9

Весь следующий день я пытался уложить в голове информацию о проекте, мотая вперёд-назад быстро обраставший закладками секретный документ.

Три подводные лодки несли дежурство у берегов Антарктиды. Считалось, что при текущем развитии технологий их обнаружение врагом невозможно. Две лодки выполняли функции прикрытия и в случае необходимости могли стать основным модулем проекта. Была предусмотрена стыковка лодок между собой, а также с ГМ – Глубоководным Модулем, единственным средством доступа на станцию «Обь-2», покоившуюся на глубине шести километров на дне Африканско-Антарктической котловины.

Упоминались сеть тоннелей во льдах, подземный командный пункт и районы базирования средств волнового и баллистического противодействия вблизи Южного полюса, однако подробная информация была скрыта даже от меня.

Подводная лодка являлась основным носителем Прототипов – разумных гиперзвуковых летательных аппаратов с антигравитационным двигателем. Прототипы были средством доставки термоядерного заряда сверхбольшой мощности, а мы с Владом – каналом связи между ними и нашим вычислителем.

Документ давал только самые общие сведения, ничего не

объясняя и оставляя порой лишь с названиями, индексами, аббревиатурами каких-то загадочных объектов, функции которых скрывались в непроницаемом тумане секретности. ГМ, АР, УКП, Изделие-28043Б... Неужели я всё это знал раньше наизусть? Каждый раз, задавая себе этот вопрос, я начинал мысленно перебирать кубик за кубиком шаткую башню воспоминаний о своём прошлом. Университет: вступительные экзамены (помню даже тексты задач по физике и химии), первый курс, незнакомый большой город... Школа – пустота. Никаких образов, никаких имён. Ещё дальше в прошлое: Камчатка, детство... Почему я не помню лиц родителей? Друзей? Башня разваливалась, и кубики беспорядочно катились по комнате моего сознания.

Одиноко и страшно.

Жить настоящим – таково было моё спасение, и я это хорошо понимал. К тому же моё настоящее не давало никаких поводов для сожалений. У меня сейчас было всё, о чём в детстве мечтают мальчишки: секретный проект, тайны, генералы, подводные лодки, подземные базы... и в центре всего этого – я.

Чувство ответственности, необходимость быть серьёзным, собранным – я и раньше любил эти вещи? Нет, не так. Любил ли я их *до того*, как попал в проект «Волхвы»?

Чтение приходилось постоянно прерывать: в моём настоящем существовали не только тайны, но и всевозможные уколы, процедуры, измерения. Существовала и скрытая под слоями бинтов рана в груди. Впрочем, медицинские заботы меня вовсе не раздражали. Они воспринимались частью всего происходящего, добавляя чувства реальности. А это чувство было сейчас желаннее всего.

Доктор Карцев навещал меня каждое утро и вечер. Тихим, умиротворяющим, *очень привычным* голосом он рассказывал небольшие эпизоды из нашей с ним жизни: как мы смогли выбраться на рыбалку; как ехали на спецпоезде через Сибирь и попали в ночную грозу; как придумывали друг другу замысловатые шахматные задачи. Касаться в разговоре более далёкого прошлого мне пока запрещалось – это могло повредить восстановлению памяти. Доктор был человеком феноменального ума и энциклопедических знаний, и о чём бы ни шла речь, слушать его было большим удовольствием.

Помимо доктора, моим восстановлением занимались двое его помощников и дежурившие посменно медсёстры. Днём обычно приходили Виталина или Юля. Фамилий их я не знал. Виталина – невысокая спортивного сложения девушка со светлыми волосами и глазами оленёнка; Юля – темноволосяя, почти с меня ростом, стройная, похожая на модель из

журнала. Юля была на год старше меня, а с Виталиной мы и вовсе были ровесниками. Удивительно! Их молодой возраст разительно контрастировал с теми навыками, которые я наблюдал теперь ежедневно. Изменяя настройки сложных приборов, окружавших мою кровать, девушки практически не смотрели на панели. Скорость, с которой их руки нажимали на кнопки, щёлкали тумблерами и поворачивали реостаты, казалось, превосходила человеческие возможности. Шприцы для инъекций доставались из упаковки, приводились в готовность и заполнялись раствором одним плавным сложным движением, которое каждый раз заканчивалось неосязаемым уколом. Комната блистала чистотой, все предметы быстро и незаметно ставились на своё место.

Глядя на это мастерство, я про себя называл их инопланетными машинами. Впрочем, они вовсе не были холодными роботами. Девушки порой проявляли ко мне излишнее внимание. Особенно Виталина. С самого первого дня она настаивала, чтобы мы перешли на «ты», и я называл её Линой.

Сложность общения была в том, что всем им категорически запрещалось интересоваться моим прошлым, моей ролью здесь. Должно быть, для них я тоже представлялся своеобразным «инопланетянином» или новым молодым Гагариным, обладателем сверхспособностей, с которым здоровались за руку генералы. В свою очередь (хотя прямого запрета не существовало) я тоже боялся задавать лишние вопросы.

Внезапным разрешением этой неловкости стало обсужде-

ние еды. Виталина интересовалась, что мне понравилось, что я хотел бы на обед, полдник или ужин. Выбор доступных продуктов на базе был ограничен, но девушка узнала у поваров, что они могут приготовить, составила целый список на трёх листах и вручила мне, с улыбкой наблюдая моё удивление.

Своеобразное «меню» было оформлено с той аккуратностью и изяществом, на какие способны лишь студентки-отличницы, конспекты которых, попадая в руки преподавателя, уже сами по себе гарантируют своей создательнице особое отношение и снисхождение в день экзамена: весь материал идеально структурирован, украшен рамками и значками, сделанными цветными ручками, буквы ровные, как в прописях...

Через три дня мне разрешили вставать, и у нас появилась новая тема для разговоров – цветы. Между двумя блоками комнат, связанных коридором, находилось большое пространство для отдыха: зал с диванами, столиками и книжными полками, разделённый на несколько зон прямоугольными ящиками с растениями. Здесь росли кофейные деревья, пальмы, фикусы, монстеры и каламондины (*каламондин – гибрид мандаринового дерева с кумкватом. – Прим. автора*), листья которых благоухали нежным цитрусовым ароматом, а на каждом столике стояла плоская тарелка с суккулентами. На высоком потолке в нарочном беспорядке были закреплены десятки ламп, имитировавших смену дня и ночи.

Был вечер. Мы сидели на диване у дальней от входа стены, рядом с каламондином, который особенно мне понравился. Виталина отлично разбиралась в комнатных растениях, и теперь у неё появился внимательный слушатель. Мне было интересно абсолютно всё: происхождение, название, особенности ухода.

– Дома тоже такой рос. Мы называли его «мандаринка», он даже плоды давал. Благодаря нему я растения и полюбила. Однажды его уронила кошка – горшок разбился, и вся земля рассыпалась. Я так переживала; мне казалось, что если корни оказались на воздухе, то для растений это верная смерть. Помню, что проревела весь день, – она улыбнулась. Совсем лёгкая улыбка, еле заметная, смущённая. Лицо девушки – маска скромности и загадочной грусти – почти не выражало эмоций, и лишь в такие моменты, во время нашего общения, они начинали проявляться в мимике, в интонациях. Это было так непохоже на Юлю и других медсестёр: те улыбались ярко, неестественно, будто напоказ.

Я попытался представить, как на деревце смотрелись бы оранжевые шарики. Вспомнился Новый Год. Образы смутные, обрывочные, но тёплые и радостные. Это сочетание оранжевого и зелёного накрепко связалось у меня в сознании с домом и праздником, вот только подробностей никак не припомнить...

Виталина повернулась ко мне:

– Новогодний, правда? Хотя это банально...

– Вообще нет! Хорошо же, когда у людей есть общие, всем понятные символы.

– Да, наверное хорошо.

Виталина рассказывала мне о своём детстве, любимых игрушках, о том, как боялась воды и долго не могла научиться плавать. А научившись, полюбила плавание и стала ходить в бассейн на занятия. Голос девушки был тихим, на грани шёпота, мягким, успокаивающим и вызывающим доверие. Рядом с ней всегда было комфортно. Это приводило к тому, что я не мог первым прервать общение (к чему взывало чувство долга), не мог попросить оставить себя наедине с планшетом, в котором ждали недостающие куски мозаики, выпавшие из картины реальности.

Я часто думал о Владе. Тот факт, что он находится на подводном крейсере, представляющем главную угрозу для нашего врага, наполнял меня сосредоточенностью на своей задаче, ответственностью за его жизнь. Мы оба – телепаты. Но к сожалению, это вовсе не означает, что мы можем в любой момент мысленно поговорить друг с другом. Всё устроено гораздо сложнее...

Контакт отнимает очень много сил. Доктор говорил, что человек может даже умереть, если не будет как следует подготовлен. К тому же в девятом отделе опасались, что моё ранение затрагивает ткани, связанные с телепатическими способностями. Восстановление приближало меня к сеансу свя-

зи, поэтому я старательно следовал всем предписаниям персонала и, должно быть, казался врачам идеальным пациентом.

Глава 10

Рассмотреть своё ранение я смог лишь на шестые сутки. Регенератор – сложный аппарат, покрытый мягкими отростками с одной стороны и трубками подачи раствора с другой – сняли, и стал виден овальный ожог с затянувшимся отверстием в центре. Даже сейчас это выглядело пугающе: ранение волновым оружием в область сердца... По словам доктора Карцева, шансы выжить тогда оценивались в десять процентов.

Моё восстановление затягивалось. Генерал нервничал: наш вычислитель, день и ночь отслеживающий действия тысяч единиц вражеской техники, прогнозирующий новые возможности неприятеля, хотел как можно скорее загрузить исправления в разумы Прототипов. Счёт шёл уже на дни, и общее напряжение начало передаваться и мне.

Волнение. Это могло стать большой проблемой. Доктор Карцев, зайдя в комнату после ужина и сев рядом с кроватью, нахмурившись, листал данные последнего сканирования головного мозга:

– Тело будет готово к контакту через двое, самое позднее через трое суток. Но разум... – доктор посмотрел на меня сквозь стёкла очков. – Кайнын, ты не начал вспоминать?

Я покачал головой. Мне было лучше. Я чувствовал себя увереннее с каждым часом, знал, *что* делаю и ради чего. Но

прошлое оставалось всё той же книгой без страниц. Доктор вздохнул:

– Главное – не отчаиваться. Мы тут придумали одну экспериментальную терапию. Комплексное воздействие на нервную систему; в теории должно быть исключительно эффективно. Попробуем прямо сегодня, если ты не возражаешь?

Я не возражал.

Через два часа за мной зашла Виталина, и мы отправились на нижний этаж, где находились процедурные палаты и хирургия. Палата Э-21, небольшая комната с резервуаром, заполненным прозрачной жидкостью. Вокруг – стойки с приборами. Судя по шлейфам проводов, тянущихся от них в разные стороны, техники спешили. В соседней комнате, за стеклом, – доктор с помощником, внимательно смотрят в мониторы...

Включился громкоговоритель, и доктор объяснил мне происходящее:

– Сейчас ты ляжешь в гипораствор. Над тобой – сканер ЦА (*церебральной активности*). – *Прим. автора*). Я буду наблюдать, как меняется карта, и давать команды ассистентам по направлению воздействия, поскольку автоматику мы, к сожалению, пока доделать не смогли. Ты окажешься в гипнотическом сне. Это нормально, не сопротивляйся. Если вдруг почувствуешь себя плохо – в руке у тебя будет кнопка.

Кнопка...

Я посмотрел на доктора через стекло и кивнул.

Ассистенты, точнее говоря, ассистентки – Юля и Виталина. Быть перед ними обнажённым никакого особого дискомфорта не доставляло. Может быть потому, что с момента моего пробуждения здесь, в лаборатории, это стало чем-то естественным и привычным. Или потому, что я был таким всегда? И всё же глаза оленёнка проявляли ко мне больший интерес, чем того требовала ситуация. Говоря откровенно, внимание Лины было мне приятно. Проблема заключалась в другом: не является ли это помехой для моей работы? Не следует ли поговорить об этом с доктором? С другой стороны, результатом такого разговора мог быть перевод девушки из лаборатории, что, после всей заботы и внимания с её стороны, выглядело... невежливым?

Жидкость в резервуаре тёплая, похожая на воду, но не такая текучая; она лишь немного покрывает тело. Форма дна повторяет мои очертания, лежать удобно. Девушки надевают наушники, поворачивают тяжёлые приборы на кронштейнах; я закрываю глаза. Щёлкают реле, и я сразу чувствую тепло, распространяющееся от кончиков пальцев по рукам и ногам. Постепенно тепло превращается из меры температуры в состояние мышц, состояние нервных окончаний, ведущих к ним – тепло, спокойно... Такая расслабленность, которой я не испытывал никогда в жизни. Невесомость. Приборы помогают мне управлять телом. Они дышат за меня, сердце пе-

реходит под их контроль, каждая мышца тела повинуется им. Мозг теперь свободен. Он может лишь наблюдать за тем, как точные движения приборов приводят тело в состояние идеального комфорта, идеального равновесия, и состояние эйфории от этого наблюдения захватывает моё сознание, моментально отключая меня от реальности. Звуки пропадают; я движусь в пространстве бессознательного. Вокруг появляются облака. Они тёплые и влажные. К ним приятно прикасаться, приятно лететь сквозь них...

Внезапно я оказываюсь на берегу реки. Воздух прохладный, чистый; высокая трава, почти с меня ростом. Человек в плаще уверенно забрасывает блесну на толстой леске к дальнему берегу. Крутит катушку, затем резко подсекает. Удилище выгибается дугой: рыба тяжёлая, сильная. Но борьба длится не долго – умелые руки рыбака приводят беснующуюся добычу к берегу, и вот уже она, подцепленная багориком, извивается на гальке. Большая, килограммов двенадцать! Мальчик подбегает к бьющей хвостом рыбе и бросается на неё сверху, пытаясь удержать скользкую добычу. «Дедушка, смотри – я медведь!» Рыбак смеётся и гладит мальчика по голове: «И вправду, настоящий медведь, Кайнын!»

Хочется побыть там подольше. Просто смотреть, вспоминать... Но всё вокруг становится бледнее, река пропадает. Трава вокруг меня теперь короткая и сухая; вдалеке виден силуэт вулкана, над ним висит большое белое облако. Впереди серое здание с синими полосками. Два этажа, много

людей. На крыше стоят два человека. На высоком – шляпа цвета хаки с загнутыми вверх полями. Такая была у дедушки. Слышен шум взлетающего самолёта. Какой неприятный шум... Не люблю звук самолётов. Не хочу быть в этом месте. Мне становится холодно. Я поворачиваюсь и бегу обратно к реке, но реки здесь нет. Река осталась где-то далеко-далеко, и вокруг меня расстилается лишь бесконечное пространство белого как молоко тумана.

Туман.

Иногда впереди мелькают силуэты людей, но стоит пойти в их сторону, как они исчезают. Тишина и пустота. Снова силуэты, приближаются ко мне. Это папа и мама! Фигуры не разглядеть, но я точно знаю – это они!

Я бегу к ним.

Туман всё плотнее и плотнее. Мешает двигаться. Ноги становятся ватными, тяжёлыми... Так я никогда не догоню их!

Силуэты всё дальше от меня. Они уже почти не различимы, только две еле заметные тени посреди пугающей мёртвой пелены.

Пропали.

Как теперь их найти в этом тумане... Почему я не закричал? Не привлёк их внимания?

Они не могут меня услышать.

Я не могу добраться туда, где они сейчас.

Темнота.

Маленькое помещение. Стен не видно, но я точно знаю, что они рядом, что пространства очень мало. Здесь пыльно, тяжело дышать.

Открывается дверь, входит невысокий толстый человек. Мои глаза не привыкли к яркому свету. Я щурюсь, закрываюсь ладонью, пытаюсь отползти в угол комнаты. Человек поднимает рукав пиджака, смотрит на громоздкие золотые часы...

Доктор!

Андрей Петрович!

Доктор, скорее! Заберите меня отсюда!

Доктор!!

Я пытаюсь отползти в тень, но чьи-то руки не дают мне двигаться. Внезапно всё пропадает, и передо мной возникает испуганное лицо девушки. Я лежу в воде, на мне сидит девушка с короткими светлыми волосами. Она крепко прижимает мои руки ко дну резервуара. На ней чёрный халат. Стены вокруг тоже чёрные. Я пытаюсь вдохнуть. Откуда-то сверху раздаётся громкий голос: «Да, держи его! Не давай ему двигаться! Юля! Брось всё это, возьми отвёртку. Скорее! Вытащи экран замка. Там должны быть восемь проводов – цвета радуги и чёрный. Замкни синий с жёлтым, красный с фиолетовым и чёрный с зелёным!»

Палата Э-21, терапия, секретная база девятого отдела. Лина.

– Всё, я пришёл в себя, – тихо сказал я. В этот момент дверь аппаратной открылась, и доктор Карцев, раскидывая висящие провода, бросился к резервуару:

– Кайнын! Ты в порядке? Как меня зовут? Название проекта?

– Карцев Андрей Петрович, проект «Волхвы».

Я сел и огляделся. Пахло горелым железом. Оборудование разбросано по углам, прочные металлические кронштейны вырваны из стен. Трещины на триплексе аппаратной. Рядом со мной на коленях стоит доктор Карцев, сзади него, с большим чёрным полотенцем в руках, – Виталина.

– Что случилось?

– Ты немного разрушил лабораторию, Кайнын.

– Разрушил? – я посмотрел на руки, но доктор покачал головой:

– Нет, не сам. Твой разум. Телекинетическое воздействие. Мы знали, что такое возможно, но масштабы, Кай, масштабы! Потрясающе... Виталина Валерьевна, позаботьтесь о нём, а мы расчистим проход и привезём другую каталку.

Мы остались одни. Я попытался встать, но Лина положила мне руки на плечи:

– Не надо, это опасно. Тут легко упасть, да и сил сейчас мало.

Я кивнул. Сил не было совершенно.

Девушка с обычной быстротой и точностью переключила рычаги, сливая жидкость из резервуара, и укутала меня полотенцем. «Опять как робот» – подумал я, но в этот самый момент она остановилась и посмотрела мне в глаза. Несколько секунд длилось молчание. Хотелось заполнить его словами, выражавшими эмоции от только что произошедшего. «Я переживала» и «прости, что всех испугал» – эти фразы были естественны и нужны, здесь и сейчас, но так и не были сказаны. Лина смутилась и, отведя глаза, принялась меня вытирать.

Я чувствовал себя виноватым. И дело было не в устроенном неосознанно погроме (*разумеется*, это была очевидная и явная вина, и, судя по разрушениям, я подверг опасности всех находившихся рядом), а в том, что смелость девушки, её попытка показать мне свои чувства, осталась без ответа, и моя растерянность (пусть и вполне объяснимая) стоила ей смущения. И хотя для большинства людей произошедшее покажется незначительным и даже забавным пустяком, для инопланетной машины с глазами оленёнка пустяком это не было. *Я видел.*

Я увидел её мысли.

Глава 11

В эту ночь Аномалия явилась за мной.

Перейдя границу сна и яви, я на восемь часов потерял возможность вернуться в реальность – такова была сила инъекции снотворного. Я провалился в глубокий беспокойный сон. Мне снился Влад. Он просил спасти его, прийти за ним как можно скорее. И вот мы снова стоим на площадке в конце дороги. Вокруг горы, одни только горы. Монстры, каких я раньше никогда не видел, бегут на нас...

Каждый раз я проигрывал, и монстры набрасывались на беззащитного друга. Это повторялось много раз: мольбы о помощи, сражение, жуткая сцена пира чудовищ. Зрелище, от которого начинались судороги и тошнота, от которого я задыхался. Пять? Десять? Сколько было уже этих сражений? Обречённость, боль, страх – я был заперт с ними на долгие часы, которые во сне превращались в дни.

Когда вместе с утренним сигналом часов хватка препарата ослабла и позволила мне вернуться, вырваться из кошмара и открыть глаза, я был одновременно самым несчастным и самым счастливым человеком во вселенной. Счастливым – потому что всё оказалось лишь сном, просто сном. Но туман пережитого ночью ещё не рассеялся до конца; все мышцы болели, во рту ощущался неприятный металлический привкус, одежда и простынь были пропитаны потом, одеяло ле-

жало на полу.

При виде этой картины доктор Карцев, зашедший проверить мои показатели, спешно вызвал дежурную медсестру и бросился ко мне, снимая с шеи всегда находившийся при нём круглый сканер. Я попытался успокоить его, но из-за пересохшего рта голос, кажется, лишь добавил тревоги за моё состояние.

После тёплого душа, завтрака и пары инъекций я, наконец, полностью пришёл в себя. Доктор настаивал, чтобы я провёл день в кровати, и мне с большим трудом удалось добиться разрешения побыть в Зале Цветов (так сотрудники лаборатории называли иногда комнату отдыха).

Доктор сидел за столиком, разложив три планшета и сравнивая длинные таблицы данных. Он вздохнул, по очереди погасил экраны и посмотрел на меня:

– Прости. Ты вчера оказался в роли подопытного для эксперимента. Оборудование ещё сырое, и данных было мало...

– Андрей Петрович, не переживайте. Если это поможет делу – я готов на что угодно.

– И всё же хотелось бы минимизировать риски... – доктор глубоко вздохнул и продолжил. – Кайнын, есть вероятность, что завтра нас эвакуируют на резервную базу.

Я удивлённо взглянул на него:

– Эвакуируют? Зачем?

– У военных появилось подозрение, что местонахождение

комплекса известно нашему противнику. Пока они разбираются в ситуации, генерал считает правильным перестраховаться. Такое уже было год назад, просто ты...

Доктор замолчал, не договорив фразу. «Просто ты не помнишь» – закончил я в голове. Я действительно не помнил. Ни прошлой базы, ни моего знакомства с проектом, ни людей, окружавших меня. За несколько дней усердного изучения документов, разговоров с доктором и генералом я, казалось, восполнил большинство пробелов в знаниях. Но память человека не просто набор информации. Это сложная субстанция, в которой эмоции, ощущения, собственное отношение к событиям запоминаются вместе с этими самыми событиями; где имя знакомого человека и изображение его лица неотделимы от его мимики, характера, интонаций. Память хранит объективное вместе с субъективным, и никак иначе.

Я смотрел на широкие листья стоявшего у дивана растения и пытался понять, что же меня беспокоит. Не память – с этим я смирился, предоставив всё природе и времени. Но что тогда? Возможная эвакуация? В конце концов, это рутинная процедура для людей, связанных с проектом такого уровня. В каком-то смысле даже изначально запланированная – не зря же существуют запасные лаборатории...

В этот момент доктора вызвали по интеркому. Я так и не успел задать ему вопросы, крутившиеся в моей голове.

* * *

На ужин была гречка с печенью и маленькое яблоко, светло-зелёное, с едва наметившимися красноватыми полосками на одном боку. Виталина сегодня так и не появилась. Может быть, военные проверяют сотрудников? Или простуда? В стерильных условиях базы подхватить простуду практически невозможно, но это было бы самое простое, а главное, *безопасное* объяснение.

Я написал доктору, что хотел бы поговорить, но ответа не было. Дежурная медсестра, девушка лет тридцати с восточными чертами лица, сообщила, что доктор срочно покинул базу и вернётся завтра. Странно, почему он не предупредил меня? Должно быть, дело действительно срочное и важное...

Засыпая, я вспоминал Камчатку. Мы с дедушкой идём по берегу. Повсюду следы медведей, но мне не страшно: медведи не враги, а такие же обитатели этих мест, как и мы. Они тоже охотятся и радуются вкусной свежей рыбе. Бывает ли медведям одиноко?

* * *

В девять утра Юля привезла завтрак. Это было неожидан-

но, ведь ходить мне никто не запрещал. Я удивлённо посмотрел на неё:

– Как раз собирался в столовую... Вставать нельзя?

Девушка улыбнулась:

– Нет-нет, просто я подумала, что здесь читать будет спокойнее. Доктор просил передать это, – она протянула мне чёрный конверт с голограммой «совершенно секретно». – Ознакомишься за завтраком? Я зайду через тридцать минут.

Распечатав конверт, я вытащил листок сероватой бумаги с проступающим защитным узором и водяными знаками: доктор предупреждал меня, что сегодня в полдень состоится пробный сеанс связи. Сам он не сможет присутствовать, его заменит доктор Пуац – мне надлежало выполнять все его инструкции. Дата, подпись, печать девятого отдела.

Странно.

Доктор должен присутствовать. Он один знает всю процедуру; без него, судя по документам, связь ещё ни разу не проводилась. К тому же эта внезапность! Готов ли я?

Размешивая кусок масла в овсяной каше, я пытался придумать объяснение происходящему. В лаборатории ещё со вчерашнего дня повисло ощущение тревоги, скрытой опасности. Видимо, ситуация требовала срочных, отчаянных мер. Доктор, генерал, участники проекта – все верили в меня. Я не должен их подвести. В любых условиях нужно просто стараться по максимуму, и у меня достаточно способностей для этого. Если доктор считает, что я смогу, то почему я

должен сомневаться в себе? Доктор знает меня лучше всех, лучше меня самого. Он знает меня *абсолютно*. Мои мысли и переживания занесены в таблицы, превращены в цифры сложными машинами. Этот листок не только высшая степень секретности, но и высшая степень доверия.

Вернув себе боевой настрой, я закончил завтрак и убрал послание обратно в конверт. Теперь надо встать и размяться. Я снял халат, повернулся... и замер. На столе сидел человек в клетчатой рубашке.

Жестом, уже знакомым мне по Аномалии, он поправил манжет, и не глядя на меня, спокойным голосом произнёс:

– Не говори им. Никому, даже доктору.

Опять галлюцинации?

Его существование внутри мира Аномалии было более-менее естественным, но появление здесь, в реальности, противоречило самому здравому смыслу. Галлюцинации – это неготовность. Моя неготовность выполнить миссию. Что мне делать? Мне так нужно поговорить с доктором...

– Нет, не нужно. Я не галлюцинация. Повторяю – никому не говори цифры.

Я смял халат и бросил в человека. Ударившись о его плечо, ткань упала на пол. Незнакомец театрально вздохнул:

– Времени мало, так что расскажу кратко. Цифры очень важны. Ты создал Аномалию. Ты придумал пароль, по которому Аномалия узнает тебя, в какой бы форме ты ни оказался. Цифры – это пароль. Просто перескажешь их своему дру-

гу, и всё будет хорошо. Правда сначала тебе нужно выжить в остросюжетном шпионском боевике. Письмо-то – поддельное.

Одновременно со словом «поддельное» раздался стук в дверь. Не дожидаясь моего ответа дверь отворилась, и в комнату вошла Юлия. Она подошла прямо к столу, наклонилась, поднимая лежащий на полу халат. Девушка не видела и не слышала моего гостя! Человек повернулся ко мне, указывая на медсестру:

– А это – шпионка! Теперь ты вооружён информацией. Удачи!

Человек в клетчатой рубашке исчез.

Юлия повесила халат на стул и подошла ко мне, мягко, по-кошачьи улыбаясь:

– Ну как? Ты готов?

Я пожал плечами. Что нужно делать в этой ситуации? Верить незнакомцу? Считать его галлюцинацией? Я почувствовал её руку на плече.

– Всё будет хорошо, Кай. Не сомневайся в себе.

Мы вышли в коридор. Вокруг стояла тишина, ни единого звука, кроме наших шагов. Свет в комнате отдыха тусклый, приглушённый. Обычно утром он ярче. На посту охраны напротив комнаты – никого. Я не мог припомнить, чтобы хоть раз видел это место пустым. Напряжение нарастало. Что если всё именно так, как сказал мне невидимый посетитель?

Я немного отстал. Юля не сразу это заметила, а когда повернулась, за дверью комнаты, находившейся по левую руку от меня, послышался грохот падающих предметов. Дверь распахнулась, и в коридор выскочила Виталина. Светлые волосы растрёпаны, на халате следы крови:

– Кай, беги к щитовой! Там выход!

Юля, не меняя выражения лица и даже сохраняя лёгкое подобие улыбки, дотронулась до уха и спокойно произнесла:

– Мистер Пауц, у нас проблемы. Нет, медсестра. Да, я поняла.

Её правая рука с нечеловеческой скоростью выхватила из кармана халата устройство, похожее на толстую авторучку. Конец её, направленный на нас, засветился ярким рубиновым огоньком. Я бросился вперёд, отталкивая Лину обратно в сторону открытой двери, но девушка обхватила меня за пояс, останавливая и заслоня от опасности. Её движения были быстрыми, а руки – неожиданно сильными. Раздался негромкий хлопок. Лина вздрогнула, руки её внезапно ослабли. Я попытался удержать девушку от падения и почувствовал, как ткань халата под моей рукой становится влажной от крови.

Мы опустились на пол. До конца не осознавая или не желая осознавать происходящее, я смотрел вверх, прижимая к себе голову Лины. Юля стояла в трёх метрах от нас, в прежней позе, направляя ручку-пистолет точно на меня. Сзади по коридору к ней бежали двое: невысокий толстый человек и

медсестра из ночной смены. Внезапно весь свет погас и коридор погрузился во тьму. Топот ног спереди, сзади, глухие удары в потолок. Затем сильная рука схватила меня за запястье и знакомый голос прошептал: «За мной!»

Генерал!

Мы бросились обратно по коридору, прижимаясь к левой стене. Это спасло нам жизнь, поскольку по тому месту, где я только что находился, и затем вдоль всей правой стороны коридора по полу забарабанили пули, выпущенные из автоматического оружия. В замкнутом пространстве звуки выстрелов оглушали, в ушах звенело. Лина! Что с ней? Мне хотелось остановить генерала, вернуться, спасти девушку, пусть даже ценой собственной жизни!

Мы оказались в конце коридора. Здесь пространство расширялось, образуя ниши справа и слева. Справа – служебное помещение, слева – двери, ведущие на кухню и в столовую, прямо – щитовая. Генерал втащил меня за угол, перекатился по полу в противоположную сторону и выстрелил из-за угла. В ответ темноту коридора около комнаты отдыха озарил мерцающий огонь, и град пуль, высекая искры и рикошета от бетона, обрушился на стену за спиной военного. Снова всё стихло. В темноте я услышал его тихий шёпот:

– Я открою дверь щитовой. Ты ждёшь до счёта «три». Если нет выстрелов – мигом туда. Всё понял?

– Да.

Нет, нельзя бежать! Я не должен оставлять Лину. Это пре-

дательство! Но разве моя гибель не будет предательством для миллионов жизней других людей, мирное небо над головой которых защищает проект «Волхвы»? Может быть, генерал знает, что делает? Да, он же профессионал! Он отвлекает их на себя. Генерал разберётся, нужно просто не мешать. Нужно хорошо делать свою работу.

– Раз. Два. Три.

Я вскочил и бросился в еле заметный проём приоткрытой двери. За спиной раздались выстрелы, дверь захлопнулась. Удары пуль по металлу. Надо... Стоп! А что надо делать дальше? Выставив руки перед собой, я медленно пошёл вперёд. Вдоль стен тянулись металлические шкафы с оборудованием. Я касался их плечами, наталкиваясь на провода и протискиваясь в узкий проход. Ещё одна дверь. Я толкнул её от себя. Тяжёлая масса металла со скрипом повернулась на петлях, открывая выход в освещённый тусклым светом коридор. Стены обиты всё тем же металлом, окрашенным матовой чёрной краской.

Звуки боя стихли. На стенах коридора то здесь, то там появлялись места с оторванными пластинами; ребристый настил под ногами закончился. Вокруг была теперь только горная порода, серая с прожилками оранжевого. Тусклый свет исходил, казалось, прямо от неё. На стенах и полу виднелись грубые следы огромной фрезы – параллельные изгибающиеся борозды ступеньками.

Я шёл, должно быть, минуты три. За очередным поворо-

том мне в лицо ударил яркий солнечный свет, и я оказался на краю обрыва. Выход из тоннеля располагался в стене узкого ущелья. За гребнем противоположной стороны виднелись холмы, покрытые рыжевато-зеленоватой растительностью, а дальше начинались горы. Это же... Я опустил на колени и заглянул за край обрыва. Внизу, извиваясь между камней, бежал ручей, посреди которого, прямо подо мной, лежал перевернутый голубой «Тигр».

Аномалия!

Я отполз назад. На самом краю обрыва в гладкой, будто отполированной породе были высечены цифры. Три восьмёрки, единица, ноль.

Внезапно тоннель вздрогнул, и раскатистое эхо взрыва, отражаясь от стен, пронеслось мимо меня. Я обернулся. Было страшно. Внутри меня всё кричало об опасности: «ОНИ идут!». Я не знал, кто они. Просто страх, абсолютный, примитивный, охватывает тебя, и ты хочешь бежать. Не хотелось думать ни о чём, всё потеряло смысл, реальность рассыпалась на кучу маленьких кусочков, которые плавали в море цифр... В этот момент я услышал голос Влада.

Он стоял на другом краю ущелья и махал мне руками:

– Кай!! Цифры!

Я вспомнил слова человека в клетчатой рубашке: цифры – это пароль. Какие? В каком порядке их называть?

Страх всегда идёт рука об руку с апатией, с желанием бросить то, что не получается понять, отказаться от той борьбы,

где не можешь выиграть. С желанием просто лечь на спину и не делать ничего. Я чувствовал, что это желание сейчас растёт внутри меня. И пока оно не стало слишком сильно, нужно действовать! Как угодно. Не задумываясь о логике, о последствиях. Я сложил ладони рупором и закричал:

– Два, пять, восемь, один, пять, восемь, ноль...

Я продолжал называть все цифры, которые помнил. Услышанные от водителя, затем цифры на бабочке, номера на столбиках с круглыми знаками... Всё, что *казалось* мне верной информацией.

Что теперь? Что должно измениться? Я не знал.

Нужен какой-то способ перебраться на ту сторону.

Я закрыл глаза. В голове носились стайкой испуганных птиц бесполезные сейчас фантазии: мост, растущий из стены, фит, на котором я лечу над Аномалией... Это похоже на попытку найти удачный ход в проигрышной партии. Сзади снова раздался взрыв, на этот раз ближе. Я повернулся, чтобы крикнуть Владу «уходи»... и замер. Прямо от кромки тоннеля в ущелье выдавался теперь гладкий выступ скалы. Под ним медленно двигалось что-то чёрное. Я осторожно подошёл к краю: фит! Фит висел в воздухе под непонятно откуда появившимся выступом, медленно дрейфуя вправо. Повинуясь внутреннему порыву, я побежал вперёд и прыгнул на спину гиганта.

Ещё один взрыв! На этот раз вместе со звуком своды тоннеля осветила вспышка. «Ну же, плыви на ту сторону!» – по-

думал я, и в это же мгновение фит, будто повинуюсь моему желанию, качнулся и заскользил боком через ущелье. Не может быть! Он действительно слушался! Стоило мне представить движение – и животное тотчас реагировало, совершая его в реальности. Теперь главное – скорость.

– Влад! Прыгай сюда! – закричал я, одной рукой держась за вырост на спине исполина, а второй размахивая в воздухе.

– Далеко!

– Давай! Ты сможешь! Быстрее!

Влад отступил на несколько шагов назад, затем ускорился и, оттолкнувшись от самого края обрыва, прыгнул в мою сторону. На ближней к нему стороне спины животного находилось несколько таких же выростов, и я могу поклясться, что, пока он летел через пропасть, они двигались ему навстречу.

Звук выстрела. Резкая жгучая боль в руке. Ещё один. Преодолевая боль, я представил, как фит стремительно уносит нас к столбам... и потерял сознание.

Часть вторая

Глава 1

Сквозь закрытые веки в глаза пробирается мерцающий свет, настойчивый, будто раздражённый моим бездействием. Мерцание такое частое, что его не уловить зрением, и всё же разум чувствует, что свет – это не только свет. К нему при- мешалось инородное, сложное, зовущее, лишённое эмоций, совершенное инопланетное *нечто*. И оно будет злиться, если не...

Я попытался встать. Прямо передо мной возникло испуганное лицо Влада.

– Кай! Ка-а-а-й! Ты в порядке?

– Это не лаборатория?

– Лаборатория? Нет! Мы же в Аномалии. Ты забыл? Путешествие! Сели отдохнуть, а ты вдруг заснул.

Я посмотрел вокруг: чёрные валуны, яркие разноцветные кристаллы, справа – склон, овраг, холмы, холмы, холмы... Слева обрыв, за ним скалы. Мы шли здесь в... прошлый раз? Или это он и есть, *тот самый* прошлый раз? Палки, рюкзак... Я бросился к рюкзаку, вытащил камеру, открыл снимки: вот горы, вот Белый корабль – на этом кадры заканчивались.

– Влад! Слушай, я сейчас странную вещь спрошу... Чёрный шар помнишь? И как мы летели на фите?

Юноша удивлённо поднял брови:

– На фите? Тебе приснилось, как мы летим на фите?

Влад ничего не помнил. Не надо спешить, разгадка где-то рядом. Нужно успокоиться, собрать побольше информации... Можно даже спросить его напрямую про операцию, подводный крейсер... Или нельзя? Кажется, я не уверен, что Влад – это *тот же самый* Влад. Я вздохнул:

– Вроде того. Ладно, пойдём дальше?

Где-то здесь, на одном из чёрных камней, должен был расти марцит, большой, яркий. Который мне тогда захотелось забрать с собой сувениром. Но кристалл никак не находился. «Чёрт с ним, – подумал я, задумчиво переставляя палки по каменистой поверхности. – Что там дальше? Встреча с фитом?»

Думать ни о чём не хотелось. Логика, анализ ситуации вызывали чувство, похожее на то, какое испытываешь при встрече с блюдом, ставшим ранее причиной отравления. Я шёл по краю ущелья, высматривая среди изломов скал выход тоннеля, через который я выбрался из лаборатории. Внизу, поперёк ручья, должен был лежать «Тигр»... Стоп! Водопады. Где водопады? Тоннели, отполированные за долгое время бегущей водой, зияли тёмными овалами на своих местах, но не было нигде ни намёка на те шумные потоки, что, раз-

вешивая в воздухе туман, падали на дно ущелья. То здесь то там можно было разглядеть тонкие струйки, бежавшие по породе, но водопады исчезли.

– Влад, погоди. Посидим немного.

Я расстелил коврик, сел и достал воду: жажда буквально жгла горло, безумно хотелось пить. Влад устроился рядом, посматривая на меня с тревогой:

– Кай, ты плохо выглядишь. Это точно был кошмар, я уверен. Забудь его, забудь всё, давай отдыхать! – он порылся в боковом кармане и вытащил «Мистера Ежевику», конфету, которую я любил. – Держи!

Цифры... Я вдруг понял, что не помню их. Как я мог забыть? Пароль от моей Аномалии! Катая леденец языком по верхнему нёбу, я пытался сосредоточиться на Аномалии. Должен существовать простой способ всё проверить, всё прояснить. Скажем, вот этот жук. Большой, глянцевого, тёмно-бордового жука с мощными челюстями. Сидит, греется на камне. Закрыв глаза, я представил, что жук разворачивается и ползёт к краю: «Это моё желание – повернись, ползи». Я открыл глаза: жук, медленно переставляя массивные лапы с торчащими наружу шпорами, двигался именно туда, куда я хотел. «Теперь снова разворот!» Жук покорно пополз обратно.

Я откинулся назад, положив ладони под голову. Вверху надо мной, в окружении белых облаков, синел кусочек чистого неба. Он казался поверхностью заполненного довер-

ху глубокого колодца, ведущего очень, очень далеко, колодца бездонного, и потому было страшно свалиться туда, оторваться от поверхности, взлететь и утонуть в этой холодной синеве, из которой никогда уже не выберешься. *Abyssus abyssum invocat* [бездна взывает к бездне (лат.)].

Влад тронул меня за плечо:

– Кай, слышишь?

Я поднялся. В воздухе разносилось протяжное завывание. Фит! Именно так он появился *в прошлый раз*. Мы вскочили и подбежали к краю обрыва: исполин неторопливо плыл вдоль ущелья в нашу сторону. Его передний плавник почти касался отвесной стены, на верху которой мы сейчас стояли. Но чем ближе становилось животное, тем больше бросались в глаза отличия от того монстра, что оглушил нас во время *первой встречи*. Фит был меньше размером. Сложно сказать насколько: животное по-прежнему воспринималось гигантом, рядом с которым человек напоминает насекомое. И всё же было в нём меньше ширины, уже не заполнял он собой ущелье от края до края. Вытянутая голова казалась поникшей, глаза не двигались. На широкой чёрной спине повсюду виднелись складки, а быть может и следы ранений. Сокоиты, растущие обычно на брюхе животного, покрывали его впалые бока, цвет их был бледным, почти белым.

Я прокручивал в памяти всё, что знал о фитах. Нигде не рассказывалось о том, как меняются они с возрастом: людям попросту не доводилось наблюдать их старость. Фит все-

гда был фитом, неизменной единицей. Биологи приписывали ему срок жизни порядка десяти тысяч лет, но определить возраст фитов, обитавших в Аномалии, никто так до сих пор и не смог. Во всяком случае считалось, что возраст всей популяции близок, если не одинаков. Можно было с той же долей научной достоверности утверждать, что фит – существо по сути своей вечное. Это противоречило бы логике земной биологии, но земная биология заканчивалась там, где стояли стены Периметра.

Что могло случиться с ним?

Когда животное поравнялось со мной, я попробовал задать этот вопрос мысленно, впрочем особо ответа не ожидая. К моему удивлению, фит ответил. Он обрушил на меня шторм информации, сырой, примитивной, честной, показывая мне всего себя, всё, что пережил, что чувствовал, всё, что составляло его существо. Я буквально погрузился в чужой разум!

Фит был таким всегда, всё то время, что существовал он в Аномалии, рождённый заодно с нею. Быть может, не так ясно как человек, но фит осознавал себя. Он был в некоторой степени разумен, и разум этот страдал от тела, в которое заточила его природа. Хищник. Периоды голода неумолимо накатывались на него каждый месяц. Ярость и жажда поглощения живой плоти овладевали телом, и буйству этому не было пределов – уже насытившись, он продолжал уничтожать всё вокруг, оставляя за собой полосу мёртвой тиши-

ны. И вот безумие отпускало его, и в ужасе и отчаянии, полный чувства вины, пускался он со всей скоростью, на которую был способен, прочь от места кровавой жатвы. Не помня себя, носился между вершинами гор, а затем, растратив все силы, опускался в длинные узкие ущелья, подальше от глаз живых существ...

Светило солнце. Прохладный ветер трепал волосы. Влад бежал за фитом, фотографируясь на камеру телефона, а я сидел на самом краю обрыва и смотрел вслед уплывающему гиганту. По моим щекам текли слёзы.

Глава 2

Владу я про фита ничего говорить не стал: не хотелось. Мы шли по гребню, по знакомой дороге. В какой-то момент я даже поймал себя на мысли, что ищу собственные следы. Найди я их, что это поменяет? Как должен буду я действовать? Это было бы очень неудобно, *некомфортно* – найти свои следы. Почему не умеет наш разум остановить на время поиск ответов, на который нет у него ни сил, ни достаточного знания?

Начался крутой спуск. Ботинки скользили по осыпавшимся вниз камням, и мы были заняты сохранением равновесия, потому не сразу заметили впереди удивительную процессию: сотни, тысячи больших гусениц ползли через дорогу. Размером сантиметров десять-пятнадцать, мягкие, похожие на плюш – сплошной шевелящийся ковёр. На тёмно-коричневых спинах светились ярко-голубые пятна, окружённые оранжевым ореолом. Исполненные удивления, мы стояли и наблюдали, как медленно движутся они мимо нас, переваливают через осыпь серых пористых камней и сползают в небольшой овраг, уходящий извилистой линией в сторону ущелья.

Влад прошёл за ними метров тридцать, затем вернулся:
– Ты ничего не фотографируешь? Собирался же.
– Аккумулятор берегу, – соврал я.

– Понятно... Как думаешь, они в кого-то потом превращаются? Вроде бабочек?

Я догадывался, *какие* бабочки появляются из этих гусениц. Появляются, а после летают стаяй мимо двух изумлённых туристов и показывают загадочные цифры на крыльях. Но рассказывать про них я не хотел. Я не хотел ему ничего объяснять. Соппротивление это было странным, иррациональным, возникающим откуда-то из глубины сознания, и по какой-то неведомой причине мне казалось, что и само сопротивление сейчас нужно скрывать, стараться не демонстрировать. Руки сами собой сжимались в кулаки, до боли. Напряжение проходило вверх, к плечам, заставляя наливаться горячим железом мышцы рук, а затем спины и груди. Скинув палки, я посмотрел на ладони, пытаюсь унять дрожь. Мне нужен голос Лины, прямо сейчас! Пусть бы она говорила всякие мелочи, не важно: спасение одно – её голос. Я попытался представить этот голос, тихий, лишённый ярких красок, зато наполненный теплотой и силой. Он прикасается к моим мыслям, как прикасается в летний день ветерок к щеке...

Влад махал рукой у меня перед глазами и что-то говорил, но я не слушал и не слышал его. А затем оказалось, что я сижу на земле, и всё вокруг спокойно, и мне спокойно. Влад сидит рядом, в руках у него батончик с курагой и бутылка воды. Он потягивается, встаёт:

– Ну как, пойдём к столбам?

И я просто киваю, потому что нет никакой нужды менять

эту тишь на искания...

* * *

Долина столбов. Знакомый оранжевый мох, знакомые запахи – такое впечатление, что я бывал здесь не один и не два раза. Как сказал тогда человек в клетчатой рубашке? «Ты создал Аномалию». А ещё «она узнает тебя, в какой бы форме ты ни оказался». Если верить ему, то реальность, рассказанная доктором и генералом, начнёт разрушаться. Если ему не верить, разрушаться начнёт Аномалия. Один из миров реален, второй – нет.

Я вздохнул. Хотелось вернуться в лабораторию, читать книги, сидеть в вечерней полутьме в комнате отдыха рядом с Линой и говорить о цветах... Хотелось морковных оладий с горячим какао. Всё тогда произошло так быстро, так внезапно. Мир только-только начал становиться упорядоченным, понятным, сложности – казаться преодолимыми, и в беспокойном океане сомнений, информации, тайн сохранился островок спокойствия – голос Лины. Может ли быть она выдумкой, галлюцинацией? Я прямо сейчас мог с пугающей точностью представить её глаза, даже рисунок радужки с каждой из его бесчисленных линий, каштановых, зеленовато-жёлтых, золотистых, с каждым изгибом каждой из них. Теперь вдруг всё это осталось в прошлом, и я лежу здесь, среди столбов, беспомощно и жалко, будто рыба, вытянутая

на берег. А берег этот – Аномалия.

Мои размышления прервали странные шорохи. Со всех сторон поднялся шум, будто кто-то сыпал песок в пустую бочку. Затем раздался крик Влада. Я перевернулся, вскочил и огляделся вокруг. Рыжий мох пошёл волнами; шагах в десяти передо мной в земле образовалась воронка, осыпавшаяся внутрь. Она расширялась. Мох вместе с почвой соскальзывал в неё и исчезал в зияющей тёмной дыре. Влад, обеими руками держась за ветку сухого дерева, висел на самом краю воронки. Я бросился к нему. Почва под ногами задрожала, пробежавшая по ней волна подняла меня вверх, а затем всё рухнуло в тёмную бездну. Вместе с кусками мха, пылью, песком, ветвями и корнями деревьев мы полетели вниз, скатились по огромной горе, состоящей из сиреневых чешуек и упали в мягкую кучу лоскутов, напоминавших ветхую материю.

Влад выбрался первым, отряхнулся, подал мне руку. На зубах скрипел песок, в воздухе висел тяжёлый запах камфоры. Мы находились в огромной пещере. Дно её, неровное и бугристое, было завалено серыми лоскутами вперемешку с осыпавшимися сверху землёй, песком, частями растений и лужицами рыжей пыли. Свод пещеры – хаотичная сеть из ответвлений колонн-столбов, ошетилившаяся корнями растений – казался хрупким, ненадёжным, грозящим рассыпаться под тяжестью породы в любую минуту. Яркая брешь обвала, утянувшего нас сюда, словно подтверждала эти ощущения.

Столбы и их «ветви» светились тусклым холодным светом. Он равномерно заполнял всё пространство, не позволяя нигде образовываться теням.

Рюкзак нам удалось отыскать только один – тот, который был на Владе. Мой, должно быть, остался наверху. Плохо. Воды у нас теперь вдвое меньше. Я обошёл гору, смягчившую наше падение и спасающую от неминуемых травм: залезть по ней обратно не было никакой возможности; вся она сразу начинала рассыпаться, чешуйки, похожие на крылья насекомых, ломкие и невесомые, разлетались вокруг. Единственный путь наверх – столбы. Однако все они были покрыты отслаивающимися кусками породы с острыми краями. Оставалось исследовать пещеру и надеяться, что обнаружится какой-нибудь ход, тоннель, ведущий на поверхность. Сделав по глотку воды и выбрав направление, мы двинулись вперёд.

Из-за полумрака невозможно было сразу оценить масштабы подземного мира. Всё время казалось, что вот-вот вынырнет из этой однородной мглы стена пещеры, но каждый раз то, что зрение принимало за стену, оказывалось либо группой плотно стоящих столбов, либо очередной горой крыльев-чешуек. Нигде не доводилось мне читать про такие пещеры. Учítывая, что место это находилось прямо под известным туристическим маршрутом, возможность избежать обнаружения, ускользнуть от внимания учёных казалась совершенно невероятной.

Источником запаха камфоры были, похоже, лоскуты

неправильной формы, устилавшие всё вокруг. От обычной ткани их отличало то, что невозможно было выделить в них отдельные нити. Материя, их составлявшая, была совершенно однородной. Серая, хотя кое-где серость эта имела еле заметный оттенок цвета, то красного, то фиолетового. Материал будто выцвел и потерял свою прочность за долгие годы, что пролежал здесь в забвении. Иногда в кучах локутов попадались белые шары. Неровные, шероховатые, размером с яблоко. На руках от них оставалась пыль. «Как от мела» – подумалось мне. В детстве я любил рисовать мелками. В тени берёз, на тёмном асфальте, разыгрывались у меня масштабные баталии. Мощные крейсера поддерживали высадку десанта, авиация неслась через океан, яркими жёлтыми и розовыми дугами расчерчивали асфальтовое небо траектории ракет... Это ощущение мела на пальцах означало тогда прекрасно проведённый день, игру, которую сменяет тарелка горячего рыбного супа и кусок свежего бородинского хлеба, затем уютная кровать, отдых... А вечером – снова во двор с мелками, продолжать рисованные сражения.

Влад остановился, и я чуть не налетел на него.

– Кажется, мы ошиблись с направлением.

– Ошиблись? – переспросил я, пытаюсь понять, в чём дело.

– Мы вниз идём. Так отсюда не выбраться.

Уклон, слабый, но всё же отдаляющий нас с каждым шагом от поверхности... Как я его раньше не заметил? Теперь он явно бросался в глаза, ощущался всем телом, этот уклон.

Мы сели. Хотелось пить и есть. Голод чувствовали, должно быть, оба, но жаловаться никто не решался. Огромное пространство, тихое, пустынное. Тишина пугала больше всего. Стоило остановиться, стоило случиться паузе в тех звуках, что производят в чуждом им подземном мире двое потерявшихся людей, как сразу тишина сгущалась вокруг, и повсюду начинали мерещиться затаившиеся угрозы, монстры, ждущие добычу... и тянуло скорее шевельнуть рукой, чтобы зашуршала одежда, чтобы нарушилось это тревожное безмолвие.

– Надо придумать какие-то отметки, чтобы не начать ходить кругами, – сказал Влад, поднимаясь. – Хотя бы стрелки из этих шариков.

Компас остался во втором рюкзаке. Без карты, без компаса, практически без запасов воды и еды – какие у нас шансы выбраться отсюда? Собрав шары, мы выложили большой треугольник, указывающий вершиной в ту сторону, откуда мы пришли.

– Обратно пойдём?

– Лучше обратно. Иначе правда заблудимся, – я оглядел пространство впереди в поисках ориентиров. Лоскутный ковёр передо мной как будто шевельнулся. Я сделал шаг вперёд, и одновременно с тем, как моя нога, сминая несколько слоёв лоскутов, упёрлась в твёрдый край невидимого углубления, прямо перед нами, разбрасывая в стороны куски материи, поднялось ужасное, похожее на огромного серого бо-

гомола существо. Ростом выше человека, фасеточные глаза по краям головы, мощные челюсти, длинные руки-клешни... Мысленно я приказал животному развернуться и убежать – никакой реакции! Богомол наклонил голову вправо, затем влево, будто примеряясь для атаки. Жаль, что у меня нет того чёрного шара! Чувство *обезоруженности*, слабости человеческого тела по сравнению с такими созданиями накрыло меня с головой. Боковым зрением я заметил слева от себя белый шар, один из тех, меловых. Не раздумывая, я схватил его, перекинул в правую руку, размахнулся и бросил, целясь существу в голову. Шар, казавшийся прочным куском гипса, вдруг рассыпался, превратился в облако пыли, которое моментально сгустилось, образуя в воздухе призрачное, полупрозрачное лицо человека. Раздался громкий крик, наверное, самый ужасный из всего, что слышал я в своей жизни. Отчаянный крик десятков или даже сотен голосов, неестественно нарастающий, становящийся нестерпимым. За две секунды достиг он своей кульминации. Вместе с этим лицо-призрак, породившее его, распалось на множество острых длинных шипов. Шипы повернулись в сторону богомола, на мгновение замерли; крик оборвался, и шипы со скоростью, которую не способен уловить человеческий глаз, пронзили тело существа, оставаясь торчать из него зловещими белыми иглами. Богомол вздрогнул и осел вниз. Он был мёртв.

Будто парализованный стоял я над неподвижным телом

хищника. Сердце всё ещё продолжало громко стучать в груди, я чувствовал пульсацию в пальцах рук, покрытых белой меловой пылью, слышал её в ушах. Постепенно темп пульсации замедлялся, дыхание выравнивалось. Тело снова начало подчиняться мне. Я обернулся: Влада нигде не было.

– Влад! – закричал я, озираясь по сторонам в поисках движения или тени, обозначивших бы присутствие друга. – Влад!!

«Опять начинается» – молнией пронеслось в голове. Опять эти исчезновения, опять мир, к которому с таким трудом и риском пытаешься приспособиться, будто необъезженный жеребец сбрасывает тебя на землю. Ощущение, что у всего происходящего есть какие-то внутренние правила, есть смысл, есть цель, незримо присутствовало в моём сознании, то помогая бороться и идти вперёд, жажда обрести наконец это понимание, то напротив, опустошало, побуждало закрыться в себе, лечь и заплакать, как обиженный ребёнок, которого старшие заставили играть в непонятную ему игру, и он, не знающий её, раз за разом проигрывал.

Я побрёл было обратно к тому месту, где мы провалились в подземелье; затем вернулся, взял рюкзак Влада, расстегнул молнию... Но есть расхотелось. Подобрал шар, я посмотрел на него, ища ответы или хотя бы намёки на ответы. Грубый белый шар, похожий на неряшливую, наспех заглаженную гипсовую отливку. Я запустил шар в сторону ближайшего столба. Хор криков, резкие звуки, будто пенопластом

провели по стеклу... И вот уже иглы торчат из столба с обеих сторон, прошив его насквозь. Эту породу не брал даже победит (*твёрдый сплав, используемый для изготовления инструментов. – Прим. автора*), как такое возможно?

Как вообще *всё это* возможно?

Закинув рюкзак на плечи, я зашагал обратно. Около кучи сиреневых крыльев знакомый голос окликнул меня:

– Убегаешь?

Человек в клетчатой рубашке!

Он сидел на бугре, надвинув шляпу на глаза и вытянув в мою сторону руку. Сквозь пальцы вниз сыпался рыжий песок. Когда струйка иссякла, он резким движением ладони стряхнул остатки песка и положил руку на колено.

– Ты всё бежишь и бежишь.

Я сбросил рюкзак на лоскутный ковёр:

– А что мне делать?! Объясни, если ты здесь всё знаешь!

– Нет, это *ты* всё здесь знаешь. Ты и...

– Пошёл к чёрту со своими загадками! – закричал я, хватая валявшийся рядом белый шар и швыряя его со всей силой в клетчатого. Крики заполнили подземелье, отражаясь от свода, белое лицо рассыпалось длинными шипами и бросилось вперёд, пронзая цель насквозь. Эхо стихло. Человек покачал головой и принялся вынимать белые шипы, отбрасывая их в сторону.

– Сердишься? Да ведь ты сердишься сам на себя... Ты лучше вот что, – он вытащил последний шип, торчавший из

шей, – иди к Белому кораблю. Оттуда проще управлять Аномалией, так ведь? Вот и поправишь всё, как захочешь.

– Стой. Кто ты такой? – я решительно шагнул к нему. Клетчатый человек чуть наклонил голову:

– Ты прекрасно знаешь, *кто я такой*.

Он снял шляпу и повернулся. В полумраке подземелья на меня смотрело моё собственное лицо.

Глава 3

Я бежал по лоскутному морю через мглу, спотыкался, падал, вставал и снова бежал, бежал, бежал. Лёгкие горели, сердце бешено стучало в груди. Один раз я чуть не налетел на столб, лишь в последний момент оттолкнувшись от него руками и увернувшись. На ладонях остались глубокие порезы от острых краёв породы, но я их не замечал и продолжал бежать. Время замедлялось, когда я замедлялся, не в силах поддерживать выбранный темп, и ускорялось, когда после нескольких глубоких вдохов я снова бросался наперегонки со своей несуществующей здесь тенью.

На школьных соревнованиях я всегда был номером один. Спорт давался мне легко, и друзья, для которых бег на средние и длинные дистанции представлял собой род средневековой пытки, откровенно мне завидовали. Сам я простой бег не любил: не было в нём того накала эмоций, тех молниеносных изменений и разнообразной тактики, как в командных видах. К тому же он не мог удовлетворить мою страсть к мячам. Больше всего мне хотелось заниматься гандболом. В этом спорте всё было для меня, и само течение, ритм, пульс матчей звучали в унисон с внутренними ритмами моего тела. К несчастью, школьная команда по гандболу никуда не годилась. Иногда мы выигрывали, но тащить матчи в одиночку, тем более, когда соперник прекрасно знает, на кого играет

вся семёрка, и так и норовит «вырубить» тебя подлым приёмом – дело обречённое. Продолжил ли я играть, поступив в университет? Я не помнил...

Задыхаясь, я повалился на лоскутный ковёр. Кровь шумела в голове, глаза закрывались, земля подо мной раскачивалась, и требовались большие усилия, чтобы свет не сменился темнотой, чтобы сознание не покинуло меня.

Лежал я так, должно быть, четверть часа. Затем медленно перевернулся на бок. Из ран на ладонях натекла кровь. Ею было запачкано всё: одежда, серые лоскуты, лицо. Раны жгли, хотелось сунуть их во что-то холодное; хотелось пить. Нужна была вода. Рюкзак я оставил там, откуда начался мой бессмысленный марафон. Возвращаться за ним – значит, признаться в слабости, не возвращаться – в глупости. Я закашлялся и снова лёг на спину. Свод подземелья имел здесь упорядоченную структуру: столбы стояли рядами, образуя что-то вроде лучей огромной звезды, ветви отходили от них симметрично, делились на всё более и более тонкие отростки. И в центре этой пятилучевой конструкции находилось моё измученное тело. Вокруг лежали белые шары, много белых шаров. Как мелки на сером асфальте. «Ими можно рисовать по асфальту? Надо взять один, когда пойду домой...» Глаза сами собой закрывались, мысли становились беспорядочными. Огромные тени скользили в пространстве вокруг меня одна за другой, серые тени серого подземелья. Когда они перемещались, то вызывали лёгкое движение за-

стоявшегося, густого воздуха; это движение охладило лицо и руки. Не останавливайтесь. Только не останавливайтесь... Мне нужен этот ветер! Пусть он станет ураганом, налетает на меня порывами и лучше с дождём!

Я открыл глаза. Прямо надо мной пронеслось огромное, чёрное, похожее на ската тело незнакомого животного. Страх перед неизвестным, страх перед движением, хищником, первобытное желание выжить внезапно одержали во мне победу, рука схватила ближайший белый шар. Привстав на одно колено, я подождал, когда скат развернётся, и метнул снаряд ему навстречу. Животное, испуганное возникшим прямо перед ним и кричащим сотней голосов лицом-призраком, бросилось в сторону. Призрак распался на иглы, которые парили теперь в воздухе, поворачиваясь вслед ускользающей мишени. Что они медлят?!

Внезапно я услышал в голове его голос. Скаты звали меня. Ему было страшно, он не хотел умирать. За секунду пронеслась передо мной вся жизнь этого существа: охота на насекомых, лёгкий и свободный полёт над холмами, уютные тоннели, ведущие в подземелье – укрытие от непогоды... «Стойте! Остановитесь!» – мысленно закричал я белым остриям, но было поздно: со свистом рассекая воздух, они устремились вперёд. Существо бросилось вверх, сжалось, снова попыталось расправить широкие крылья. Большая часть смертоносного облака пролетела мимо, но те иглы, что вонзились в тело ската, вызвали невыносимые крики боли и отчаяния, за-

полнившие мою голову. Мне хотелось сбежать, отключиться от его мыслей, зажать руками уши, закрыть глаза и не видеть агонии упавшего вниз животного. Но каким же мерзким и отвратительным предательством будет это! «Я не хотел, не хотел!» – кричал я в ответ, пытаюсь подняться. Ноги не слушались, в груди всё болело. Сделав несколько шагов вперёд, я упал, снова встал... Не помню, как я добрался до него, беспомощного, еле дышащего. Крики в голове сменились плачем. Он был очень музыкальным, этот плач, красивым. Сил не было даже на то, чтобы поднять руку, чтобы сжать кулак. Мы лежали рядом. Каждый смирился с тем, что его ждёт. Каждый нашёл в своём обречённом состоянии временное пристанище, укромный угол, где притупившиеся чувства отступают, а тело становится дальше от разума, меньше тревожит, меньше отвлекает. Я видел прямой тоннель. Он вёл под землю, расширялся... И вот вокруг меня знакомый уже полумрак, высокие своды, колонны столбов. Теперь обратно в тоннель, навстречу свету. Это повторялось снова и снова, под аккомпанемент едва ощутимого беззвучного плача: он показывал мне путь на поверхность.

Контакт оборвался внезапно. Только что я ощущал его присутствие, мысли, память, боль, страх – и вот всё исчезло. А затем рядом со мной, прямо у самой головы, упала бутылка воды. Что-то холодное, влажное у щеки. Рука сразу узнаёт форму: «Вилючинская». Перемазанными засохшей и свежей кровью руками я пытаюсь открыть её. Сил не хватает,

крышка скользит. Пауза. Подышать, успокоиться. Снова попытка. С пятого или шестого раза крышка поддается. Знакомые щелчки пластиковых зубчиков. Ещё оборот... Крышка падает, я прижимаю горлышко к пересохшим губам...

* * *

Тоннель нашёлся быстро. Увиденные во время печального ритуала прощания ориентиры – сильно изогнутые столбы, кучи сухих крыльев – помогали мне, и вскоре я уже шагал по идущему вверх пути. Хотя уклон был небольшой, мне приходилось постоянно останавливаться, чтобы отдышаться. К тому же появилась тошнота. «Не может такого быть от бега, – думал я, – здесь что-то другое». Быть может, причиной всему запах камфоры, медленное отравление. Надо поскорее выбираться на свежий воздух.

Скат остался в подземелье. Его бездыханное тело, которое я укрыл серыми лоскутами, продолжало стоять перед глазами подобно миражу, и не было никакой возможности отделаться от этого образа. Само собой так получилось, что фауна Аномалии воспринималась в первую очередь как угроза. А тут ещё и совершенно незнакомое существо... Стоит захотеть, и можно найти множество оправданий того, что случилось; да вот только забыть его это не поможет. Я был им. Я не просто *увидел* его воспоминания, радости и страхи – я пережил их сам.

Я шёл через широкий тоннель. Ни разу не встретилось мне следов обработки инструментом или машиной, а рисунок породы и её фактура казались случайной игрой природы; и всё же был он рукотворным, этот путь сквозь скалы: слишком уж точно соблюдались его размеры и форма – полукруглая арка свода, плоские стены...

Метров через двести пропитанный камфорным запахом полог наконец закончился, и под ногами зашуршал мелкий гравий. Стало совершенно темно; приходилось вести по стене рукой и поднимать высоко ноги, чтобы не споткнуться о камни, встречавшиеся всё чаще и чаще. К счастью, тёмный участок длился недолго. Впереди показалось яркое пятно выхода: тёплый дневной свет лился внутрь, будто отгоняя сумрак назад, в скалу, произведшую его. В самом конце пути я всё же оступился на камне и упал, разодрав в кровь колени. Раны на ладонях снова закровоточили. Кое-как поднявшись и выбравшись из подземного царства на свет, я лёг на знакомый рыжий мох и минут десять пролежал неподвижно, глядя в синее небо, далёкое, высокое, вечное. Я чувствовал себя центром чего-то большого, но оно оставалось неподвластно моему контролю. Аномалия казалась мне теперь единственным живым существом, с которым случилось что-то ужасное, которому нужна моя помощь, и которую я, в силу своего невежества и слабости, не могу оказать. Но как возможно понять мир, окружающий тебя, без чужих объяснений? Для этого потребовалась бы целая вечность...

Поднял меня холод. Только что было кругом спокойно и тепло, грело солнце – и вот подул резкий ветер. Небо пока оставалось чистым, разве что вддали у гор сгущались подзрительные тучи. «Надо идти». Я встал, скривился от боли в коленях, но, сделав несколько шагов, обнаружил, что состояние моё теперь намного лучше. Дышалось легко, мышцы быстро возвращали себе силы, и даже раны на ладонях выглядели не так скверно, как казалось в полумраке подземелья. «Всё же надо будет их обработать» – подумал я и двинулся наугад через сухие кусты.

Съезжая по каменистому склону вниз, я увидел за холмом поблескивавшую на солнце полосу воды. Внутри сразу зажглась уверенность, что местность эта мне знакома. И действительно, стоило мне перебраться через вершину, как передо мной открылся вид на тот самый ручей или небольшую речку, на которой случилось сражение с фитом. Да, там, ниже по течению, ближе к порогам. Значит, отсюда недалеко и до обзорной площадки, где началось наше приключение, и где мы провели в тумане беспокойную ночь.

Я напился прямо из реки, умылся, промыл раны. Сняв футболку, я разорвал её на полосы и перевязал ими руки. Бутылка, о причинах появления которой не хотелось думать, была вновь полна прохладной водой, и я уверенно направился в сторону стоянки. Мне нужны были ответы.

«Тигр» я заметил издалека. Угловатые формы армейского броневика сразу бросались в глаза на фоне окружающего пейзажа. Сердце застучало быстрее; почти переходя на бег, я добрался до края, ухватился за ржавую стойку забора и прыгнул на площадку. В машине было пусто. Я прошёл по периметру, всматриваясь в окрестности: никаких признаков людей или животных, тишина, нарушаемая лишь редкими порывами ветра. Двери «Тигра» были закрыты, но не заблокированы, и я залез внутрь. «Что дальше?» – спросил я себя и задумался.

Доехать до Периметра, выбраться в *нормальный* мир и, быть может, снова обрести там потерянные воспоминания? Правда водить я не умел, но технику всегда любил и более-менее представлял, что и как работает, что и когда нужно нажимать. Сейчас, начиная только размышлять о возможности этого плана, я с каждой мыслью о нём чувствовал нарастающее сопротивление и страх: я боялся узнать, *что* скрыто за Периметром, я боялся покидать Аномалию!

Невозможно! Если бы рядом был Влад! Если бы рядом был хоть кто-нибудь!

Я перелез на место водителя. Ключ был в замке. Я повернул его – тишина. Закрыв глаза, я попытался вспомнить действия нашего проводника. И всё же, сначала явно ключ. Я

пробовал и пробовал поворачивать проклятый ключ, нажимая одновременно педали, переключая тумблеры на приборной панели... Действия мои стали беспорядочными и скорее могли привести к поломке машины, чем к решению головомолки. «Как её завести?!» Я стукнул кулаком по рулевому колесу, желая лишь одного: чтобы эта груда железа начала двигаться. К моему изумлению, машина действительно вздрогнула и резко наклонилась влево. Я упёрся локтем в толстое дверное стекло, правой рукой хватаясь за скобу у спинки пассажирского сиденья. Затем всё качнулось обратно, колёса коснулись земли, что-то громко скрипнуло – «Тигр» вновь встал горизонтально. В салоне воцарилась тишина.

Стало душно. Я расстегнул воротник, посидел минуту, пытаюсь успокоить дыхание, затем открыл дверь и спрыгнул на твёрдую поверхность площадки. Снаружи начиналась буря: ветер усилился, всё кругом шумело и свистело, сгущался мрак. Небо на глазах превращалось из прозрачной синевы в серую массу, становилось ниже, давило, пугало. Первые капли дождя глухо ударили по машине, крупные, тяжёлые. Скалы впереди вспыхнули оранжевым, чёткие, будто нарисованные тени бросились от меня и «Тигра» вперёд, а затем раздался удар грома. Всполохи света от молнии, нарушая те привычные законы, которые ждёт человек от всякого природного явления, не пропали совсем, а продолжали тлеть на скалах, камнях, кузове машины. Они мерцали, и мерцание

это вызывало боль в голове и тошноту.

Я залез в машину и закрыл дверь. Моя голова! Есть здесь что-нибудь от этой ужасной боли? Всё остальное стало малозначительным, далёким. Я открыл лючок под приборной панелью, и вниз посыпались сухие насекомые. Большие чёрные жуки, бабочки, красная саранча и бог весть какие ещё создания. Вода, надо воды...

Свернувшись на сиденье, сжимая дрожащими руками наполовину опустевшую пластиковую бутылку, я старался дышать так, чтобы создавалось как можно меньше движения. Через некоторое время я, стиснув зубы и ожидая очередной волны боли, попробовал помотать головой, но, к моему удивлению и радости, боль пропала, пропала совершенно.

Позволив наконец напряжённым мышцам расслабиться, я сел в кресло прямо, поморгал глазами, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Дождь барабанил по машине, но здесь его почти не было слышно. Мерцание тоже пропало.

– Хорошо, что можно в машине спрятаться, правда? – знакомый голос сзади почти не скрывал язвительной интонации.

Клетчатый человек! Его лицо (точнее сказать, *моё* лицо) улыбалось в зеркале заднего вида.

– Что ты тут делаешь? – устало спросил я, не способный уже на крик и проявление эмоций.

– Что я тут делаю? – переспросил он. – Нет, что *ты* тут делаешь? Ты же решил лететь к Белому кораблю. Так лети!

Хватит прятаться!

– Ничего я не решал, – ответил я с раздражением в голосе. – Убирайся отсюда. Лети сам куда хочешь, только оставь меня в покое.

– Кайнын-Кайнын, ты же всегда был смелым. Может быть, ВОТ ТАК ты наконец проснёшься?

Машина дёрнулась и устремила вверх, поднимаясь над землёй. Меня вжало в кресло, руки сами собой схватились за руль. Сзади хохотал клетчатый. Я хотел повернуться к нему, но вместо этого, следуя моим движениям, повернулся весь «Тигр». Желудок сжался, я задержал дыхание. Машина закружилась в воздухе; я зажмурился и сосредоточился на том, чтобы остановить движение её мысленного образа. Вращение прекратилось. Я выровнял «Тигр» по горизонтали и облёгчённо выдохнул. Сзади раздались аплодисменты:

– Bravo, bravo! Дальше сам! – клетчатый человек открыл дверь и выпрыгнул наружу. В салон ворвался ветер. С трудом поддерживая усилием разума равновесие «Тигра», я перелез назад и посмотрел вниз: машина висела метрах в тридцати над поверхностью; скалы продолжали светиться, обозначая себя во мраке; человека в рубашке нигде не было видно. Захлопнув дверь, я вернулся за руль. Желание оказаться подалее от этого места привело машину в движение, и я не стал этому сопротивляться.

По лобовому стеклу скатывались капли, видно было плохо. Кажется, я летел над ущельем. Да, вот скалы, вот тёмные

пасти пересохших водопадов... Стоп! В одном из тоннелей будто бы что-то мигнуло, слабый огонёк. Я подвёл машину поближе и присмотрелся. Толстый триплекс, исчерченный дождём, мешал мне, поэтому, открыв водительскую дверь и держась за скобу, торчавшую над проёмом, я высунулся наружу. Тёмное жерло тоннеля, уходившего в сердце холодных скал, было всего в полуметре от меня. Кромешная тьма, ничего не рассмотреть. Я немного поднял машину, переступил на подножку и прыгнул. Поскользнувшись на мокрой поверхности, я полетел вперёд, инстинктивно разворачиваясь и выставляя плечо, как мы делали на гандболе, чтобы избежать травм. Сзади послышался металлический грохот. Перевернувшись, я аккуратно подполз к краю: на дне ущелья, поперёк наполнившегося дождём ручья, лежал колёсами вверх мой «Тигр».

Глава 4

Пути назад теперь не было. К тому же любопытство, загнавшее меня в такое положение, требовало движения вперёд. Пройдя через водоворот последних событий и испытав столько в себе изменений, моё сознание утратило на время навык поиска, выбора и оставило лишь два пути: действия и бездействия; первый был благом, но требовал приложения сил, а второй вызывал сопротивление духа, но манил уставшее тело, как манит его кровать в конце долгого дня.

Темнота стояла такая, что ничего не было видно. Я снова вёл рукой по шероховатой породе, продвигаясь вглубь тоннеля и зачем-то считая шаги. Пятьдесят шагов. Под ногами громыхнул лист железа. Стык. Новый лист. Ещё один, ещё, ещё... Сто шагов. На стенах тоже появляются пластины, пальцы скользят по шляпкам удерживающего их крепежа. Это же *тот самый* тоннель!

Внутри меня с каждым шагом нарастало волнение. Что я встречу там? Впереди появился свет. Тоннель превратился в знакомый коридор, заставленный оборудованием: всё искорёженное, обгорелое, местами залитое карамельного цвета пеной, которая застыла и теперь хрустит под ногами. Источник света – обычная лампочка накаливания, ватт двадцать пять, не более. Свисает с толстого жгута проводов, проложенных под потолком. Я протиснулся между завалами шка-

фов и, переступая разбитое стекло, подошёл к двери.

Та самая дверь.

Сглотнув, я упёрся в холодный металл и толкнул дверь от себя. Раздался скрип. Я тут же ослабил усилие: в тишине, к которой привык мой слух, в неизвестности, которая лежала впереди, мне не хотелось производить ни единого звука, не хотелось выдавать своё присутствие. Протиснувшись в приоткрытый проём, я шагнул вперёд и чуть не вскрикнул, когда моя нога наступила на что-то мягкое. Однако это оказалась лишь смятая пыльная одежда.

Я стоял в конце знакомого коридора. Направо – столовая. Слева палаты. Дальше – комнаты сестёр, пост охраны, а напротив него – зал отдыха с цветами... Под потолком с большими интервалами висели груши лампочек, горящих неярким, тёплым светом. Пыль в воздухе, груда погнутых штативов у стены. Атмосфера запустения. И всё же кто-то с ней боролся, для кого-то горел этот свет. Может быть, в столовой есть консервы, еда? Я открыл двери и прошёл внутрь. Стол и два стула стояли в центре зала, остальные же были в беспорядке свалены в углу. На стойке раздачи – перевязанные грубым шнуром стопки бумаг, папки с номерами, конверты... Если присмотреться, лежало всё упорядоченно, аккуратно.

– Кай?

Я замер. Тихий голос сзади – это голос Виталины! Ещё не веря в эту возможность, я обернулся: девушка стояла в дверях и смотрела на меня большими грустными глазами.

На ней был серый комбинезон, какой бывает у механиков на заводе или в автосервисе. Светлые волосы растрёпаны, в руках перчатки. Она подошла ко мне, затем, бросив перчатки на пол, быстрым движением взяла мои руки, повернула ладонями вверх:

– Что с тобой?

– Порезался о столбы.

Я не знал, как реагировать на её появление. Я был рад, очень рад! Но как правильно выразить эту радость? Есть неисчислимая бесконечность разных чувств, которые мы называем этим словом – «радость». Как рассказать ей именно мою?

– Не надо, не переживай. Всё хорошо, – ответила она, словно прочитав мои сомнения.

Виталина принесла из кухни две банки консервированной каши, аккуратно, даже красиво выложила её на чёрные с белой полоской тарелки, так хорошо мне знакомые. По телу разливались спокойствие и тепло. Удивительный всё-таки голос у Лины: слушаешь его, и он будто звучит в самой твоей голове. Фразы красивые, как в книжках.

Девушка рассказывала о произошедшем в моё отсутствие. Генералу со спецназом ГРУ (*Главное разведывательное управление. – Прим. автора*) удалось предотвратить захват базы. Добравшись через систему вентиляции в лабораторный модуль, они не без труда обезвредили диверсантов. Виталину эвакуировали в госпиталь. К сожалению, во время

штурма генерал Орлов погиб.

– Никто уже не верил, что ты вернёшься. Я одна следила за лабораторией. Генератор даже починила, – девушка улыбнулась. – Прошло семь месяцев, Кай...

– Семь месяцев? Не может этого быть! – я сглотнул и посмотрел на неё со смесью удивления и страха. Как могло это случиться? Может быть, я где-то находился без сознания? Или снова потерял память? Виталина взяла меня за руку:

– Просто время течёт в Аномалии *иначе*. За тобой я отправиться не могла, хотя очень хотела. Только ты можешь отвести меня туда.

Я неуверенно покачал головой:

– Не думаю, что сейчас надо возвращаться в Аномалию.

– Да, не время. Сначала надо выбраться *наружу*.

Перед словом «наружу» возникла небольшая пауза, отчего всё предложение приобрело немного зловещую окраску. В моей вселенной существовало сейчас три мира: воспоминания детства, лаборатория и Аномалия. Что находилось за Периметром, я не знал. Не знал я и того, что находилось за стенами секретной подземной базы. Точнее говоря, сведений я приобрёл тогда предостаточно, но личных воспоминаний не было, поэтому мир казался книжным, искусственным. Какой он?

– Хороший. Разный, – ответила Виталина. – Пойдём обрабатываем раны?

Я кивнул. Щёлкнуло реле, загудела какая-то машина. Сна-

ружи ждала неизвестность.

Тетрадь доктора Карцева

Меня не пугает моё будущее, и я заранее хочу заверить всех, кто прочтёт эту тетрадь, что в полной мере осознаю свою ответственность за уже произошедшие события, а также за всё то, что может случиться. Движет мной одно лишь желание: отвести всякие подозрения от проекта, в который я вложил свой разум и своё сердце. И даже если окажется, что аппарат наш мог принести (пусть даже и малый) вред, я прошу всех, читающих эту исповедь, поверить мне, поверить, что нигде и никак не пренебрегали мы врачебными принципами, никогда не ставили научный поиск и любопытство выше интересов медицины. Нам не хватало и не хватает знаний, мы можем ошибаться. Но прежде, чем выносить свой вердикт, прочтите эту тетрадь. Прочтите и решите, мог ли я действовать иначе.

Одним майским утром к нам в НИИ поступил пациент К. с диагнозом «кататоническая шизофрения». Точнее сказать, первоначальным диагнозом, поставленным в местном стационаре, был посттравматический стресс: юноша стал свидетелем гибели родителей в авиакатастрофе. Однако симптоматика явно выходила за рамки ПТСР (*посттравматическое стрессовое расстройство*. – Прим. автора), состояние продолжало ухудшаться, и новосибирские специалисты поспешили передать К. нашему НИИ (мы действительно искали в

тот период подобные нетипичные случаи).

Юноша двадцати лет, идеальные физиологические показатели, спортивное телосложение... Наблюдать, как болезнь обрушивается на таких пациентов, особенно тяжело.

На первом же осмотре я понял, что случай уникален: психогенный паралич, перманентная потеря речи... Паралич имел сложную, непостоянную природу: иногда пациент мог самостоятельно передвигаться, после чего, по неясным причинам, наступала фаза полной утраты двигательных способностей. К. никак не пытался контактировать с персоналом, ничего не слушал, не реагировал практически ни на какие раздражители, был замкнут в себе. Временами он, будто заметив некую угрожающую ему опасность, впадал в панику. Речевого выражения это, впрочем, по-прежнему не имело.

Получив разрешение на использование прибора, я снял карты мозговой активности, расшифровка которых выявила развитый онейроидный синдром (*нарушение сознания, приводящее к появлению развёрнутых фантастических галлюцинаций и сновидений, иногда переплетающихся с реальностью. – Прим. автора*). Мы спешно приступили к программированию аппарата.

Думаю, читающему эти строки наш метод в общих чертах известен: открыв, что волновое воздействие способно избирательно влиять на сознание и подсознание пациентов, мы начали искать возможность впервые в истории дать психиатрии инструмент непосредственного проникновения в очаг

проблемы, инструмент взаимодействия с разумом. Так появился МНГ – массив наногенераторов.

Но одного аппарата мало – нужна была программа, ряды, матрицы чисел, которые превратятся в нужные образы в голове пациента и выведут его рассыпающееся, скатывающееся в пучину хаоса мышление на путь восстановления, порядка. Для шизофренических расстройств такой программой стала наша Д1, или индуцированный галлюцинаторный собеседник. Нам удалось модулировать процессы галлюцинаций таким образом, чтобы подтолкнуть разум пациента к формированию вымышленного «друга» с нужными нам свойствами. Постоянное взаимодействие с ним должно было перетянуть на себя всю мыслительную активность, свести на нет автодеструкцию, а значит, освободить крупные области разума и таким образом запустить процессы восстановления их структуры.

Для К. таким галлюцинаторным собеседником стал «Влад».

Всё шло по плану. Разум пациента прекрасно реагировал на воздействие, создавая внутри себя нужный нам образ. И хотя мы не могли напрямую заглянуть в мысли К., нейровизуализация рисовала отклики, близкие к идеальным. Лучшим же подтверждением стало то, что на пятый день больной произнёс имя Влада вслух (увы – его первое и единственное слово на том этапе лечения).

Однако радость наша была преждевременной: в конце

первой недели случился приступ агрессивного поведения. Так совпало, что на тот злополучный день был назначен визит министра здравоохранения, академика Северцева. Валерий Евгеньевич прибыл вместе с дочерью Виталиной. Министр отправился на совещание в конференц-зал, а для Виталины наш лаборант устроил небольшую экскурсию (девушка выбрала для себя путь медика, училась в профильном колледже и посещала институт уже во второй или третий раз, так что её интерес к исследованиям был вполне объясним). В коридоре северного крыла главного корпуса они столкнулись с К.

Пациент, произведя большой беспорядок и ранив нескольких сотрудников, сбежал из отделения, по третьему этажу пересёк всё здание, а дежурный врач, помня о визите министра, не решался поднимать тревогу. Никто не ожидал от К. такой координированной и целенаправленной двигательной активности, а если вспомнить, что юноша великолепно развит физически, я думаю, легко понять, почему события приняли такой оборот.

Лаборант, сопровождавший дочь министра, попытался его задержать, но был сбит с ног ударом в подбородок, после чего некоторое время находился без сознания. Однако когда на место прибыла охрана, пациент сидел на полу, не выказывая более признаков агрессии. Позже мы проанализировали записи с камер наблюдения: складывалось впечатление, что при первом же зрительном контакте с Виталиной К. полно-

стью утратил стремление к побегу и разрушению. Девушка просто взяла его за руки, усадила на пол и ждала прибытия персонала.

Виталина сама предложила сохранить произошедшее в тайне от отца, потребовав в ответ возможности навещать пациента. К тому моменту я уже был на месте событий и, разумеется, ответил категорическим отказом – как бы я смог гарантировать её безопасность?

На следующее утро меня вызвал директор института. У нас состоялся довольно эмоциональный диалог: как оказалось, девушка связалась с ним напрямую, и решение о её допуске в лабораторию было уже принято. Как учёный, я был рад возможности продолжить лечение с помощью нашего аппарата. Но я категорически не желал появления фактора, который усложнит и без того запутанную картину. Директор же считал, что агрессивный эпизод был вызван внезапным отключением прибора во время утреннего сеанса (в тот день действительно произошёл сбой высоковольтного преобразователя), а учитывая, что у больного не осталось никого из родственников, присутствие рядом человека, способного в какой-то мере это восполнить, виделось ему делом исключительно правильным. По правде сказать, и он, и я боялись скандала. Для каждого из нас это был бы конец карьеры, если не что похуже. Так или иначе, Виталина Северцева стала постоянным гостем лаборатории.

Позже выяснилось, что для получения пропуска девуш-

ка соврала о своём возрасте: нас ввело в заблуждение то, что она является студентом колледжа; секретарь не спросила оригинал паспорта и приняла от неё бумаги с указанием двадцати лет, хотя её курс соответствовал одиннадцатому классу школы.

Не сложно догадаться, что отношения с Виталиной у меня складывались весьма натянутые: шантаж, ложь, использование своего положения ради достижения цели, представлявшаяся подростковой глупостью – а ведь на весах была жизнь пациента, судьба изобретения, способного перевернуть психиатрию, будущее десятков учёных, живших общим делом! Я успокаивал себя тем, что её фантазии быстро разобьются о суровую действительность: одно дело минутная встреча в коридоре, и совсем другое – наблюдать, что на самом деле представляет из себя больной с таким тяжёлым расстройством, к тому же периодически оказывающийся в состоянии паралича. «Ей станет попросту противно находиться здесь, и проблема решится сама собой» – думал я.

Но я сильно ошибался.

Поначалу Виталина появлялась у нас три-четыре раза в неделю, после занятий. Обычно на это время приходился вечерний сеанс полевой терапии. Девушка сидела рядом с пациентом, иногда держа того за руку; по её словам, это было время, когда у них получалось «общаться» друг с другом. Как можно интерпретировать подобное? Богатое воображение? Возраст? Или я должен профессиональным взгля-

дом отыскивать здесь психические отклонения, подозревать индуцированный бред (*феномен, возникающий у психически здоровых людей, находящихся в тесном эмоциональном контакте с больным. – Прим. автора*)?! А ведь речь идёт о дочери министра здравоохранения! Теперь вы понимаете, *что* имел я в виду, отчаянно не желая появления усложняющего фактора.

С наступлением каникул девушка стала приходить почти каждый день. Она начала активно участвовать в уходе за больным, порой заменяя медсестёр, просила объяснять ей, что и как лучше делать, и в эти моменты была сама покорность и внимание... Удивление со стороны младшего персонала сменилось уважением, хотя я продолжал считать, что мы имеем дело со своего рода «игрой в больницу», а положительная обратная связь (высокая моральная оценка) и личный интерес к пациенту являются основным её стимулом.

«Телепатическое общение» девушки с К. всё расширялось и расширялось. Виталина стала требовать от работников пищеблока того или иного меню для пациента, включала по своему усмотрению музыку в палате, меняла световой режим и так далее, объясняя это просьбами К. Разумеется, я был в бешенстве: такие вещи непосредственно влияли на программу терапии! Вызвав Виталину в свой кабинет, я строго запретил ей упоминать более про это мистическое «общение» под угрозой сворачивания программы и перевода пациента на интенсивное медикаментозное лечение. Я в

красках описал ей, как превращает это людей в безвольных, неспособных мыслить и чувствовать овощей. Сейчас я искренне раскаиваюсь в том, что использовал столь недостойный приём, однако это принесло желаемый эффект: девушка стала во всём слушаться моих указаний, вести себя тихо и аккуратно и более разговоров о телепатии не заводила. Всё теперь казалось управляемым – позже это сыграет свою роль в случившемся кризисе.

* * *

Академик Северцев, надолго занятый известными событиями на Дальнем Востоке и никак до тех пор не вмешивавшийся в происходящее, вернувшись в Москву и узнав из своих источников о масштабах вовлечения дочери во всё это дело, немедленно вызвал меня на разговор. Естественное для отца стремление – не позволить ребёнку потратить те годы жизни, что принято у нас называть лучшими, на нерациональное, случайное увлечение, на самообман, который к тому же может закончиться трагично – делало нас в определённом смысле союзниками. Отец не желает самопожертвования от ребёнка. Я же этого «самопожертвования» откровенно пугался – оно несло угрозу для того, что являлось плодом моей жизни, для моего аппарата.

Кажется, я увлёкся событиями, совершенно забыв рассказывать о течении болезни... Начиная с третьей недели, мы

начали вносить в программу небольшие коррективы, стремясь ускорить позитивные процессы. При сохранении тотального мутизма (*вид потери речи. – Прим. автора*) и отсутствии всякого стремления взаимодействовать с окружающими, реакции сопротивления и агрессии со стороны больного стали заметно ослабевать. Внезапные бессистемные эпизоды паралича, длящиеся от нескольких часов до нескольких суток, также показывали тенденцию к сокращению. Таким образом, в лаборатории в тот момент смотрели в будущее с оптимизмом.

Первого июля министр вновь посетил наш НИИ. Формальная причина визита – прошедшее на днях семидесятипятилетие со дня основания института. Я продемонстрировал свою установку, снова подробно рассказал о принципах полевой терапии и о фантастических перспективах, которые открывает этот метод для нашей науки. Министр по-прежнему был настроен скептически, но дал «добро» на продолжение эксперимента. Там же, отозвав меня в сторону, он между делом сообщил, что Виталина более посещать наш институт не планирует и отправится продолжать образование в Санкт-Петербург. Можно лишь догадываться о том, что происходило в семье министра; для меня же главным было то, что дестабилизирующий фактор наконец устранён. С лёгким сердцем я погрузился в работу по анализу карт, не подозревая, какие испытания ждут нас впереди.

Прошло несколько дней. Состояние пациента, до этого

остававшееся стабильным, внезапно начало деградировать к изначальным симптомам. Приступы паралича, сократившиеся было до нескольких минут, вновь стали долгими и хаотичными, больной сопротивлялся процедурам, всё хуже и хуже реагировал на слова персонала. Ему снова начали мерещиться опасности, сон стал фрагментарным и неглубоким. Но самое скверное заключалось в том, что галлюцинаторный собеседник, с такой тщательностью созданный нами и так хорошо принятый разумом пациента, перестал справляться с возложенными на него функциями. В нашем методе есть такое понятие: фокус предвнимания. Этот злосчастный фокус всё чаще и чаще срывался с «Влада», и нам приходилось увеличивать напряжённость поля, чтобы заставить пациента возвращать его на нужный объект.

Поскольку формирование негативной динамики совпало по времени с изменениями в программе, я решил, что достаточно будет откатить всё на стабильную версию. Результата не было! Артём Карельских предположил, что сам факт каких-либо изменений и является дестабилизирующим. Ухватившись за эту гипотезу, мы решили зафиксировать параметры и понаблюдать за развитием событий в течение недели. Спешка – худший враг учёного! Сейчас я думаю, что интервал был слишком коротким, и подожди мы дней десять-двенадцать...

Одиннадцатого числа случился новый эпизод агрессивного поведения. Разумеется, после памятного инцидента де-

журная смена была усилена и инструктирована, потому с помощью спецсредств пациента удалось быстро успокоить, но оборудование всё же было повреждено, и я провёл в институте две бессонные ночи, восстанавливая аппаратуру.

Физиологические показатели больного также начали ухудшаться. Директор института настаивал на переводе пациента на классическую медикаментозную терапию. Для нас это означало бы провал. Мы теряли уникальный объект, который мог снабдить науку бесценными данными! Я снова и снова объяснял, что метод работает, что лишь стечение обстоятельств мешает привести пациента к устойчивой позитивной динамике и выздоровлению. Проблема была в том, что случай стал слишком известен в академических кругах, и, завершись всё неблагополучно, программа могла быть свёрнута, в то время как успешное медикаментозное лечение можно было выдать за «часть плана» и продолжить исследования... С неохотой и разочарованием я вынужден был согласиться.

Однако в день, когда К. должны были перевести в палату классической терапии, пациент исчез. Точнее говоря, был похищен. Я сомневаюсь, что подробности произошедшего появятся в новостях: дело старались и будут стараться спрятать подальше от любопытных. И всё же возьму на себя смелость рассказать результаты нашего внутреннего расследования. Что делать с этой информацией – решать не мне, я всего лишь учёный...

Пятнадцатого июля, в 23 часа 55 минут Виталина Северцева с помощью украденной заранее карты доступа проникла на территорию института. Ровно в полночь охрана начала обход по обычному маршруту, который, по всей видимости, девушке был известен. Она беспрепятственно добралась до палаты, где содержался пациент К., используя автоматический шприц с препаратом М***, усыпила ночного дежурного и вывела К. через пятый подъезд к так называемым «пожарным» воротам. Там она ранее припарковала «Аурус», принадлежащий своему отцу, министру здравоохранения Валерию Северцеву. Посадив К. в машину, она убыла в восточном направлении.

Толстой сказал однажды: «Счастливые периоды моей жизни были только те, когда я всю жизнь отдавал на служение людям». Я служил медицине, искренне и с полной самоотдачей.

Карцев Андрей Петрович,
17 июля 2*** года

Об авторе

Дмитрий Александров – российский писатель-фантаст, определяющий свой жанр термином «Психологическая фантастика». Профессиональный переводчик японского языка, психолог, художник, путешественник.

Официальная публичная страница автора в сети Вконтакте:

<https://vk.com/daf16>

Электронная почта:
arehara@vk.com